

Относительная хронология основных фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта

Илья А. СЕРЖАНТ

Lietuvių kalbos institutas

The present article deals with the sound changes that occurred in High Latvian after the split of Proto-Latvian into dialects. The basic aim was to establish a relative chronology for all of them; it is presented in tabular form at the end of the article. A corollary to our conclusions is that the view advocated by Lelis and Breidaks, according to which High Latvian constitutes an independent branch of East Baltic alongside Lithuanian and Latvian, must be rejected: all sound changes characteristic of High Latvian are best explained starting out from Proto-Latvian.

The details of several sound changes are clarified, e. g., it is shown that High Latvian has gone through four independent processes of metaphony, of which the 1st and 3rd have hitherto been treated as one in the literature.

Finally, Breidak's assumption of a Selonian substratum in the Lithuanian dialects of the Kupiškėnai and Anykštėnai is reformulated in some respects.

0. ПРЕДИСЛОВИЕ¹

0.1. Цель данной работы – «привязать» фонетические переходы друг к другу, в идеальном случае устанавливая и *terminus ante quem* и *terminus post quem*, таким образом точно фиксируя последовательность фонетических изменений в истории верхнелатышского диалекта. К сожалению, для некоторых процессов такой полной точности добиться не удалось, однако, для всех процессов удалось определить хотя бы одну такую границу. Польза такой относительно-хронологической цепочки вряд ли может быть преувеличена. Имея такую цепочку мы можем:

1) во-первых, показать, какие фонетические процессы явно поздние, а какие восходят к самому древнему этапу развития, а какие, возможно, являются

¹ В первую очередь хотелось бы высказать огромную благодарность сотрудникам отдела диалектологии Института Латышского Языка Анне Стафецкой (Anna Stafecka) и Эдмунду Трумпе (Edmundas Trumpra), которые уже в который раз очень помогли, предоставив доступ ко всему диалектологическому материалу, а также ценными советами по содержанию и в поиске литературы. Я также очень благодарен Рикку Дерксену (Rick Derksen) за согласие просмотреть работу, за его критику и обсуждение данной работы, а также петербургским коллегам Анне Даугавет и Алексею Андронову.

архаизмами, унаследованными из праязыка и сохранившимися именно в исследуемом диалекте;

2) во-вторых, такая цепочка имеет большую доказательную силу при поиске языков, оказавших влияние на исследуемый диалект, т. к., если нам удастся установить в контактирующем языке аналогичные группы звеньев данной цепочки, мы можем смело говорить о тесном контактном влиянии данных двух языков друг на друга, исключая возможность совпадения, что дает немалые возможности для дальнейших выводов;

3) в-третьих, установление относительно-хронологической цепочки позволяет проверить еще раз предложенные варианты развития отдельных процессов, а также в некоторых случаях исключить варианты, не укладывающиеся в какую-либо относительно-хронологическую цепочку.

0.2. Основными работами по истории верхнелатышского диалекта являются работы Антона Брейдака (наиболее полная его неопубликованная диссертация – Breidak 1989) а также большой материал, содержащийся в грамматике латышского языка Яниса Эндзелина (Endzelins 1951). Однако обе работы, несмотря на их большую ценность, имеют некоторые недостатки/ недоработки. В частности, работы Брейдака несколько предвзяты в том плане, что для него верхнелатышский диалект (по его терминологии Латгальский племенной язык) развился непосредственно из восточнобалтийского праязыка (Брейдак 1989: 6). Многие данные верхнелатышского диалекта в связи с этим «наильно» интерпретируются как архаизмы, из-за чего получающаяся в результате относительная хронология иногда неправильна. Как показывают результаты проведенной нами работы, данное предположение остается, по крайней мере, недоказанным. Тем не менее, работы Брейдака представляют для исследователя колоссальную ценность, поскольку в них содержится очень большой диалектологический материал, который отобран из описаний говоров разного качества и проверен. Многие объяснения, предложенные Брейдаком, были переняты и использованы в данной работе.

Сложность в изложении Эндзелина заключается в том, что верхнелатышскому диалекту не была посвящена отдельная глава, а верхнелатышский материал был размещен (согласно концепции книги) вместе с другими диалектами. В связи с этим многие вещи остаются для исследователя неразобранными, и потому неясными.

Ни одна из указанных работ не обсуждает различий между 1-ой (древней, праверхнелатышской) и 3-ей (селонской) перегласовками, тем не менее, эти различия очень существенны, т. к. правила действия данных перегласовок совершенно разные. Данные перегласовки постоянно смешиваются друг с другом. Это неразличение было перенято и в Rudzīte (1964), Kušķis (1967: 15–16) и др.

В диссертации Lelis (1961), посвященной верхнелатышскому диалекту, отстаивается мнение, что данный диалект следует признать отдельным языком – утверждение, с синхронной точки зрения, на наш взгляд, вполне допустимое, проблема однако в том, что в данной работе оно быстро проецируется и на

диахроническое р объективно. Важн Брейдаком в его 1 из Хроники Генри Брейдак 1989: 144 Брейдак 1989: 149

Естественно, чт эти работы, а пре многих моментов

1. ОТНОСИТЕЛЬНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.0.1. Общие предположения

Используя тот ф совпали, при том, фонетическим хаф характеристиками д что эти фонетичес предположение, в последовательнос данном порядке, т

Учитывая постег довательностью / обозначать начала что дифтонгизаци доказуемо было б шился до начала 1 не совпали, мини что первый процес установленную на вательность в § 3.1

В тех случаях, гл ские переходы в уч частью других исс.

1.0.2. Краткие замечания

В данной работе ко лишь по призна совместное рассмо относительно-хроф ями мы считаем сл

внимались именно в

ую силу при поиске к., если нам удастся и звеньев данной цепочки данных двух я, что дает немалые

ской цепочки позво- я отдельных процес- е укладывающиеся в

о диалекта являются икованная диссертация в грамматике нако обе работы, негатки/ недоработки. и плане, что для него альский племенной о праязыка (Брейдак вязи с этим «насил- ощаяся в результате азывают результаты ся, по крайней мере, звляют для исследо- ится очень большой ний говоров разного ые Брейдаком, были

что верхнелатышко- латышский материал тими диалектами. В и неразобранными, и

между 1-ой (древней, ли, тем не менее, эти данных перегласовок смешиваются друг с (1964), Kušķis (1967:

пскому диалекту, от- гь отдельным языком и, вполне допустимое, ю проецируется и на

диахроническое рассмотрение вопроса, который далее уже рассматривается не объективно. Важно, однако, отметить, что многие аргументы, использованные Брейдаком в его работах, появляются уже здесь, например, такие топонимы из Хроники Генриха Латвийского, как *Tholowa*, *Kukenoys* (Lelis 1961: 142, ср. Брейдак 1989: 144), а также финск. *juutas* „черт“ и лит. *juodas* (Lelis 1961: 144, ср. Брейдак 1989: 149) для датировки переходов * \bar{o} > *uo* > *ū*, **a* > *o*, **ā* > *ō*.

Естественно, что вышеизложенные аргументы не имеют целью обесценить эти работы, а предназначены лишь показать необходимость корректировки многих моментов верхнелатышской исторической фонетики.

1. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГЛАСНЫХ: ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1.0.1. Общие предпосылки

Используя тот факт, что фонемы в верхнелатышском языке, изменяясь, не совпали, при том, что результаты переходов в некоторых случаях по своим фонетическим характеристикам совпадают с исходными фонетическими характеристиками других фонем в других переходах, мы можем сделать вывод, что эти фонетические изменения происходили не одновременно. Развивая это предположение, в конечном итоге мы приходим к определенной временной последовательности переходов, которая может быть составлена *только* в данном порядке, т. к. иначе были бы неизбежны совпадения.

Учитывая постепенность фонетических переходов, такой временной последовательностью / относительно-хронологической цепочкой мы можем только обозначать начала переходов, а не всю их полноту. Так, например, понятно, что дифтонгизация *i* и *ū* началась раньше, чем сужение * \bar{e} и * \bar{o} , однако недоказуемо было бы утверждение, что процесс дифтонгизации именно завершился до начала процесса сужения, поскольку для того, чтобы эти фонемы не совпали, минимально необходимым является именно предположение, что первый процесс начался раньше второго. Именно так следует понимать установленную нами в результате относительно-хронологическую последовательность в § 3.1.

В тех случаях, где в материале нет указаний на противное, все фонетические переходы в указанных рамках рассматриваются нами (а также и большей частью других исследователей) как **целостные и непрерывные** процессы.

1.0.2. Краткие / Долгие гласные

В данной работе для некоторых пралатышских фонем, отличающихся только лишь по признаку количества (напр. **a* и **ā*), представляется разумным совместное рассмотрение их изменений, а также приблизительно одинаковая относительно-хронологическая датировка. Необходимыми для этого условиями мы считаем следующие:

– среди всего диалектного материала нет указаний на то, что условия для прохождения обсуждаемого фонетического перехода для краткого и долгого коррелятов разные;

– данный переход имеет одинаковый фонетический характер для краткого и долгого коррелятов (например, лабиализация);

– географические районы распространения данного перехода для краткого и долгого коррелятов совпадают.

Аналогично нами не рассматриваются отдельно фонетические переходы определенной фонемы при, например, восходящей и, отдельно, при нисходящей интонациях, если все 3 указанные выше условия выполняются.

1.0.3. Праверхнелатышская Восходящая или Прерывистая интонация²

Для начала следует еще оговорить вопрос о праверхнелатышской интонации, восходящей к безударному акуту в прабалтийском, на месте которой сегодня в большей части селонских говоров присутствует восходящая, а в остальных же говорах верхнелатышского диалекта прерывистая интонация. Я не хотел бы обсуждать здесь ее конкретную тоническую форму, однако ясно, что до всех обсуждаемых здесь переходов это была одна и та же интонация на всей территории верхнелатышского диалекта. Ее расщепление на восходящую в большей части (неглубоких) селонских говоров и на прерывистую в остальных говорах произошло, по всей вероятности, относительно поздно, и скорее всего, после обсуждаемых здесь переходов, в фонетическом условии которых была интонация. Об этом косвенно свидетельствует такой факт: в тех переходах, где интонация обсуждаемого гласного или дифтонга играла роль, материал показывает, что данные гласные или дифтонги с нынешней восходящей интонацией вели себя абсолютно так же, как и гласные или дифтонги с нынешней прерывистой интонацией. А раз обе эти интонации фонологически вели себя полностью одинаково, можно предположить, что и фонетически они были или идентичными или очень схожими по своим просодическим качествам. В пользу единой интонации в этой позиции во всем верхнелатышском диалекте свидетельствует к тому же и диссимилиация интонаций, которая работает одинаково и для восходящей и для прерывистой интонаций (Seržants 2003: 95–96), а также специфика продления гласного перед тавтосиллабическим *-r*.³

² Здесь и далее следуя традиции, установившейся в балтистике я использую термин *интонация* вместо термина *тон*.

³ Продление перед тавтосиллабическим *-r* не происходило при прерывистой и восходящей интонации, ср. Endzelins (1951: 150–151).

2. ОТНОСИТЕЛ РАССМОТРЕНИ

2.1. *ei* > *ei* > *ai*

В большей части г некоторых отдельных Kalupe⁴⁴⁵ и Likсна⁴⁵⁰ внимание, что *ei* из *i* конный *ei* перешел в до перехода *i* > *ei*, на *bāikt* (< *beigt*) но *vi* большей территории

2.2. Продление кра

2.2.0. Этот незначительной хрон тонгизации долгих *i* > *ūv* (> *ouv* > *ov*/зелин (Endzelins 1951) текстах.⁴⁵ Также дан чается в неглубоких (Kuškis 1958: 143, 14 нию. Эндзелин (Endzelins 1951: 6210, *beiji* „wars промежуточная ступ

2.2.1. По предположению как *tyus*, *dryva* возник этого свидетельствуют собрания дайн (BW), : *gyuwa* (Endzelins 1951

2.2.2. После перехода, тышском совпали и древнее **uv* к концу а **ū*, т. к. оно стоит и и потом распределил

⁴ Перевод Библии Глю

⁵ Теоретически можно татом сокращения **-ūv* свидетельствовать заим СНН *klīge* (Endzelins 1951) более обстоятельное ис

⁶ Реже здесь встречается

2. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ГЛАСНЫХ: РАССМОТРЕНИЕ ПЕРЕХОДОВ В ОТДЕЛЬНОСТИ

2.1. *ei > ɛi > ai*

В большей части говоров мы имеем только *ei > ɛi*. Переход *ei > ɛi > ai* в некоторых отдельных областях на юге Даугавпилского района: Aiviekste³⁴⁹, Kalupe⁴⁴⁵ и Likсна⁴⁵⁰, южная часть Krāslava⁵⁰⁶ (Rūķe 1939: 150). Принимая во внимание, что *ei* из *i* данным процессом не был затронут, а только лишь исконный *ei* перешел в *ɛi* (или *ai*), мы предполагаем, что этот процесс начался до перехода *i > ei*, например, Kalupe⁴⁴⁵ (Reķēna 1962: 20, 28): *maīta* (< *meita*), *bāikt* (< *beigt*) но *vēirs* (< *vīrs*), и, вероятно, ранее был распространен на большей территории.

2.2. Продление кратких *i* перед *j* и *u* перед *v*

2.2.0. Этот незначительный фонетический процесс важен для уточнения относительной хронологии, поскольку он однозначно предшествует дифтонгизации долгих *i* и *ū*, ср. дальнейшее развитие данных сочетаний **uv > ūv* (> *ouv > ov/ > yuv > yv*); **ij > ij* (> *eij > ej*). Как отмечает Эндзелин (Endzelins 1951: 146–147), *ij*, *ūv* встречается еще в старолатышских текстах.^{4,5} Также данная форма *-ij-* или *> -ij-* а также *-ūv-* или *> -ūv-* встречается в неглубоких селонских говорах, напрмер в Grostona⁴¹⁸, Meirāni⁴²¹ (Kušķis 1958: 143, 146, 148–150)⁶. Продление происходит только под ударением. Эндзелин (Endzelin 1910: 40) приводит также примеры *veiju* „winde“ BW. 6210, *beiji* „warst“, *reija* „Riege“ из Pikstere, в которых еще сохранилась промежуточная ступень.

2.2.1. По предположению Эндзелина (Endzelin 1910: 40–41) такие формы, как *tyus*, *dryva* возникли также из **druva > drūva > *dryuva > dryva*. В пользу этого свидетельствуют такие формы из старолатышских текстов, а также из собрания дайн (BW), как *tūu*, *tūwu* „nahe“, *drūva*, *pūvis* „verfault“, *gūt : giva : gywa : gyuwa* (Endzelin 1910: 14).

2.2.2. После переходов **uv > *ūv* и **ū > *ūv* эти два дифтонга в верхнелатышском совпали и развивались дальше совместно, с той разницей, что древнее **uv* к концу развития перед гласным свой глайд (*glide*) **ɥ* сохраняет, а **ū*, т. к. оно стоит перед согласным, его теряет. Факт, что **ū* и **uv* совпали и потом распределились перед гласным / согласным заново, подтверждается

⁴ Перевод Библии Глюка, Евангелие 1753 г., Катехизис 1586 г.

⁵ Теоретически можно предположить и наоборот, а именно, что *-uv-*, *-ij-* являются результатом сокращения **ūv-*, **ij-* в остальных диалектах. В пользу такого предположения может свидетельствовать заимствование из немецкого, которое показывает, что *-ij-* > *-ij-*: *klijas* < СНН *klige* (Endzelins 1951: 52). Однако для обоснования такого предположения необходимо более обстоятельное исследование проблемы.

⁶ Реже здесь встречается и *-ei-*, *-eij-*.

такими формами как *kiuļa*, *tiuļi* Lubāna₄₁₇ (Zirņītis 1937: 122), учитывая, что первое восходит к *kūja*, а второе к **tuvji*⁷.

Для сочетаний праверхнелат. **-ij-*, **-uv-* мы предполагаем одновременность развития, т. к. эти процессы аналогичны и полностью соответствуют друг другу в географическом распространении результатов перехода **-uv- > -ov-, -uv-/ -iv-*, с той только разницей, что развитие **ū* (см. ниже §§ 1.3) после дифтонгизации **ū > *ouц* пошло дальше, развитие же **ī* в **-ij-* \rightarrow **-ij-* остановилось на **-eiј-* \rightarrow *-ei-*.

Данный вывод очень интересен, поскольку исторически сочетания **uv*, **ij* и **ū*, **ī* восходят к одному и тому же прототипу, т. е. **ū* (более точно **uH*), **ī* (**iH*) перед гласным или согласным. Однако детали реконструкции должны рассматриваться в отдельной работе и в контексте работы Смочинского (Smoczyński 2000), тем более, что здесь возникают некоторые противоречия.

2.3. $\bar{u} > \bar{u}ц > ouц > уи, iu, эи, eu; \bar{i} > \bar{i}ј > eiј > ei$

2.3.0. Логично рассматривать переходы $\bar{u} > ou$ и $\bar{i} > ei$, как фонетически аналогичные (т. е. преломление) и поэтому, как и относительно-хронологически одновременные переходы. В пользу этого свидетельствует также одинаковая территория распространения этих дифтонгизаций (Breidak 1989: 176).

2.3.1. Процесс дифтонгизации праверхнелат. **ū* и **ī* а также **ū*, **ī* из сочетаний с *j* и *v* (§ 2.2) следует восстанавливать именно с переходным ступенями $\bar{u} > \bar{u}ц^8 > ouц > уи, iu, эи, eu$ аналогично и $\bar{i} > \bar{i}ј > eiј > ei$, так как все эти ступени засвидетельствованы в говорах (ср. ДА: 48) и, географически, с востока на запад отражают приведенную хронологию, а также, исходя из того факта, что для некоторых южных латгальских говоров, где сегодня мы имеем *эи, eu, уи, iu*, имеются свидетельства того, что ранее здесь произошло *ou* (Breidak 1989: 178–179). Этот момент типологически интересен с двух точек зрения: во-первых, здесь видно, что географическое распределение этапов определенного фонетического процесса одновременно отражает и его исторические этапы, причем именно в той же последовательности⁹. Во-вторых, эта реконструкция показывает, что фонетический переход происходит поэтапно, проходя все промежуточные стадии. К подобному выводу приводит и диалектологический материал современных немецких говоров, ср. Löffler (1980: 76–77). Правда, для того, чтобы доказать, что поэтапность

⁷ О появлении глайда после *-u-* и в дифтонгах указывает приведенное там же *sauļa* „sauja“: **sauļa > *sauvļa > sauļa*, если это не аналогичное замещение *-j-* на *-ļ-*, см. § 2.2.3.

⁸ Данный этап может вызвать некоторые сомнения, однако он засвидетельствован в говорах (ДА: 48). Также форма *kiuļa* Lubāna₄₁₇ объясняется, на наш взгляд, только принятием стадии \bar{u} , ср. **kūja > *kūjja > *kuuļja > kuuļa > kiuļa*, т. е. **-uц-* \rightarrow *-u-* раньше, чем **-vļ-* \rightarrow *v*.

⁹ Аналогичная ситуация, когда географическое распределение фонетического процесса отражает и его хронологию, связана с совпадением интонаций в латышских говорах, см. Seržants (2003: 90).

фонетического п является универ недостаточно.

2.3.2. Что касае \bar{i} , см. § 2.4), то зд твительна по все района вокруг Да Breidak 1989: 139 – здесь достаточ литературного я: переходы $*\bar{ö} > oi > ei$ (и таким обр Вежа₄₆₆ $*\bar{e} > ei$ (Д древних $*\bar{ö} / *e$ и маловероятно, чт возможно предпо

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{ö} > \bar{u}$
- 3) $\hat{u} > ou$

Основная разни (Б) повторного пе рианта А) и вторс \hat{u} перешло бы в *oi*

При этом следу $*ip$, \bar{i} и $*un$, \bar{u} соо ции, т. к. ни в оди играет роли. В свз два потенциальнс

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{ö} > \bar{u}$
- 3) $\hat{u} > ou$

Вариант Б1 нел рам, где $*\bar{ö} > \bar{u}$, *

7: 122), учитывая, что

аем одновременность
ответствуют друг другу
ода *-uv- > -ov-, -yv-/
§§ 1.3) после дифтон-
- > *-ij- остановилось

ки сочетания *uv, *ij и
нее точно *uH), *i (*iH)
кции должны рассмат-
чинского (Smoczyński
иворечия.

как фонетически ана-
льно-хронологически
ует также одинаковая
eidak 1989: 176).

а также *ū, *ī из соче-
переходным ступеня-
> eiĭ > ei, так как все
18) и, географически,
ю, а также, исходя из
зоров, где сегодня мы
ранее здесь произно-
огически интересен с
рическое распределе-
новременно отражает
последовательности⁹.
ический переход про-
. К подобному выводу
ых немецких говоров,
зять, что поэтапность

нное там же *saica* „sauja“:
i- на -i-, см. § 2.2.3.
видетельствован в
и взгляд, только при-
г. е. *-uc- > -u- рань-

нетического процесса
атышских говорах, см.

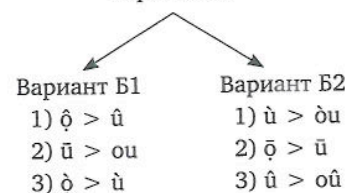
фонетического перехода в хронологическом и географическом отношениях является универсалией, этих примеров, естественно, статистически еще недостаточно.

2.3.2. Что касается первого шага (т. е. $\bar{u} > u$, $iu \Rightarrow * \bar{\phi} > \bar{u} / \bar{i} > ei \Rightarrow * \bar{e} > i$, см. § 2.4), то здесь можно сказать, что эта относительная хронология действительна по всей территории верхнелатышского диалекта, за исключением района вокруг Даугавпилса и говора *Mazlaicene*₃₈₆ (Åbele, Lepika 1928: 24, 34; Breidak 1989: 139). На районе вокруг Даугавпилса я не буду останавливаться – здесь достаточно отметить, что тут сказывается очень сильное влияние литературного языка. Более интересная ситуация в говоре Мазлайцене, где переходы $* \bar{\phi} > o\bar{u} / * \bar{e} > e\bar{i}$ (только с прерывистой интонацией!) и $\bar{u} > o\bar{u} / \bar{i} > e\bar{i}$ (и таким образом совпадение древних $* \bar{u}$ и $* \bar{\phi}$, $* \bar{i}$ и $* \bar{e}$), а также в районе *Veja*₄₆₆ $* \bar{e} > e\bar{i}$ (ДА: 53., 55d). Здесь мы имеем различные рефлексы только древних $* \bar{\phi} / * \bar{e}$ и $* \bar{\phi} / * \bar{e}$. Учитывая тот факт, что с фонетической точки зрения маловероятно, что $* \bar{e}$, $* \bar{\phi}$ перешел как-то иначе в $e\bar{i}$, $o\bar{u}$, чем через \bar{i} , \bar{u} (§ 1.3.1), возможно предположить два основных хронологических варианта развития:

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{\phi} > \bar{u}$
- 3) $\bar{u} > o\bar{u}$

Вариант Б:

(\bar{i} , $* \bar{e}$, ei – аналогично)

Основная разница этих двух вариантов состоит в принятии (А) / непринятии (Б) повторного перехода $\bar{u} > o\bar{u}$ – первый раз совместно с $\bar{u} > \bar{ou}$ (пункт 1 варианта А) и второй раз (пункт 3) после перехода $* \bar{\phi} > io > \bar{u}$, где вторичное \bar{u} перешло бы в $o\bar{u}$ и таким образом совпало с древним \bar{u} .

При этом следует отметить, что дифтонгизация пралатышских \bar{i} и \bar{u} (т. е. $< *ip, \bar{i}$ и $*up, \bar{u}$ соответств.), по-видимому, проходила независимо от интонации, т. к. ни в одном из говоров, затронутых этим процессом, интонация не играет роли. В связи с этим вариант Б2 становится маловероятным. Остаются два потенциально возможных варианта:

Вариант А:

- 1) $\bar{u} > ou$
- 2) $\bar{\phi} > \bar{u}$
- 3) $\bar{u} > o\bar{u}$

Вариант Б1:

- 1) $\bar{\phi} > \bar{u}$
- 2) $\bar{u} > ou$
- 3) $\bar{\phi} > \bar{u}$

(* \bar{e} и \bar{i} аналогично)

Вариант Б1 нельзя применить ко всем остальным верхнелатышским говорам, где $* \bar{\phi} > \bar{u}$, $* \bar{e} > \bar{i}$ и $\bar{u} > o\bar{u}$, $\bar{i} > e\bar{i}$, при том, что тут никаких совпадений

(как в Мазлайцене) не произошло. Таким образом остается только вариант А, который предполагает повторную дифтонгизацию, уже при участии новых \bar{u} (из * \hat{o}) и \bar{i} (из * \hat{e}). Здесь достаточно предположение, что последний (3-ий) шаг, т. е. повторный переход $\bar{u} > ou$, не действовал по всей территории, а охватил лишь северо-восточную часть латгальских говоров.

2.3.3. Брейдак (Breidak 1989: 176) датирует дифтонгизацию \bar{i} и \bar{u} на основании написания латгальских топонимов в древних документах, датированных между 1478 г. и 1519 г. Сюда же примерно относятся и многочисленные заимствования, относительно поздние, например, из немецкого, ср. *blūuz* „blūze“ (Skrīveri₃₄₅ Āboliņa 1928: 99) < нем. *Bluse*¹⁰, там же *vēins* „vīns“; *žēids* „žīds“ (Lejasciems₃₉₃ Ābele 1924: 46), (*s*)*krōuzē* „krūze“ (Susēja₃₆₉ Āboliņa 1927: 139), *mašēina*, *avēiza*, *paradēiza* (Nereta₃₆₅ Meņģele 1939: 97), *dzeipars* (Alūksne₄₆₅, Brencis 1914: 123). С прерывистой интонацией обычно заимствований не встречается. Здесь можно только привести в пример слова с суффиксом на *-neīca*³, где прерывистая интонация вторична¹¹ (напр. *bazneīca*, Seržants 2003: 101–102), из *Kalupe*₄₄₅ (Samuše 1938: 32–51), *Varakļāni*₄₂₆ (Latkovskis 1931: 100–123), *Cibla*₄₈₈ (Āboliņa 1926: 31–48), которые были заимствованы до этого перехода и таким образом доказывают, что переход $\bar{u} > ou / \bar{i} > ei$ очень поздний. *Terminus ante quem* представляют заимствования из русского языка в говоре *Kalupe*₄₄₅: *tīks* < тихий, *vīšņe* < вишня (Reķēna 1962: 29), однако и здесь более древние заимствования содержат данный переход, например *kūma* < кума (Reķēna 1962: 31), *vēiskups* < польск. *wiskup*, лит. *výskupas* < СНН *bischof*, *čēisc* из «чистый», *vēikšņe* „ķiršu koks“ (Reķēna 1962: 371, 494). О том, что под соответствующие долгие гласные в данном случае дифтонги не были субституированы, а развились фонетически, свидетельствует тот факт, что в данных говорах имеются гласные \bar{u} и \bar{i} , возникшие здесь из *uo* и *ie* соответственно (Lejasciems₃₉₃ Ābele 1924: 49, Susēja₃₄₅ Āboliņa 1927: 135–136), которые могли бы быть использованы для адекватной передачи долгих \bar{i} и \bar{u} заимствований. Кроме того, Брейдак (1989: 178) указывает на тот факт, что в диалекте лудзенских эстонцев, переселившихся в Латгалию в XVII в., сверхдолгие гласные \bar{i} , \bar{u} под влиянием латгальских говоров изменились в *ei*, *ou*. Подводя итоги, можно сказать, что процесс дифтонгизации \bar{i} и \bar{u} начался примерно между 1478-ым и 1519-ым годами и продолжался до XVII–XVIII вв., учитывая, что весь процесс не проходил одновременно по всей территории Латгалии, а распространялся постепенно с востока на запад.

2.3.4. Район распространения *ui*, \bar{u} ранее был значительно больше, чем сегодня (ДА: 48). Только так можно объяснить разногласие в результате раз-

¹⁰ При этом звук \bar{u} присутствует в данном говоре, ср. *rūn* (< *rūna*) (Āboliņa 1928: 101), *kūmīam* < *kumēlam* (Āboliņa 1928: 107).

¹¹ Во всех латгальских как и в большинстве селонских говоров на средних слогах с тононосителями элементами \bar{i} , \bar{u} , *ou* (*ui*), *ei* этимологические прерывистая и нисходящая интонации получили новое распределение, а именно на морфемах с верхнелат. \bar{i} , \bar{u} всегда присутствует нисходящая интонация, на дифтонгах *ei*, *ou*/*ui* же прерывистая в независимости от исконной интонации (см. Seržants там же).

вития групп правее **tuvji* но *šout'* „šūt поколения также и Из этих примеров : довательство и * \bar{u} д после *-*uv-* > *- $\bar{u}v$

2.4. * \bar{o} > *uo* > \bar{u} ,

2.4.0. В данном сл основании фонети тически полного с предполагаем, что

2.4.1.1. Следующ восточнобалтийски лись в говорах ещ и в довольно боль (напр. *uozuols*) вы: Skaista₅₀₇ Latkovski: только, если предп говорах * \bar{o} перешл бы ожидать ***-uls*. происходила во все форма данного суф Курземе, где мы и ется, подобное сок часть глубоких лат этих говорах сокра * \bar{o} > \bar{u} . Следовател праверхнелатышск

2.4.1.2. Следующе стадию *ie* (а следо *gīdriētis* „skaidroties“ если это были бы и данные формы бал

2.4.2.1. Для дальн проблеме исконнос (Breidak 1989: 139), жемайтский *ei* и всл прабалтийский диф *ei*). На наш взгляд, с причинам: окончан доунининков *spēšq* что до сокращения :

гаются только вариант же при участии новых что последний (3-ий) по всей территории, а юров.

изацию *i* и *ū* на основа- сументах, датируемых ся и многочисленные з немецкого, ср. *blūz* м же *vēins* „vīns“; *žēids* .*Susēja*,³⁶⁹ *Āboliņa* 1927: 37), *dzeīpars* (*Alūksne*⁴⁶⁵, но заимствований не слова с суффиксом на *bazneīca*, *Seržants* 2003: *āni*⁴²⁶ (*Latkovskis* 1931: 1 заимствованы до это- д *ū* > *ou* / *i* > *ei* очень ния из русского языка на 1962: 29), однако и ый переход, например *viskup*, лит. *výskupas* < *ķēna* 1962: 371, 494). О нном случае дифтонги и, свидетельствует тот никшие здесь из *uo* и *ie* *Āboliņa* 1927: 135–136), гной передачи долгих *i* указывает на тот факт, я в Латгалию в XVII в., оворов изменились в *ei*, нгизации *i* и *ū* начался гжался до XVII–XVIII вв., но по всей территории а запад. ачительно больше, чем гласие в результате раз-

а) (*Āboliņa* 1928: 101),

на средних слогах с ьрывистая и нисходящая мах с верхнелат. *i*, *ū* и/уи же прерывистая в

вития групп праверхнелат. **-uv-* и **-ū-* в *Aknīste*³⁶⁸ (*Ancītis* 1977: 88): *t'iuji* < **tuvji* но *šout'* „šūt“, *poūt* „pūt“, причем, как отмечает автор, в речи старого поколения также и *žuva*, *puva* а также редко употребляющееся *šivēja* „šuvēja“. Из этих примеров видно, что некогда и здесь **-uv-* перешел в *-uv-*, *-iv-*, а следовательно и **ū* должно было быть **-yu-/ -iu-*, так как развитие этих групп после **-uv-* > **-ūv-* было совместно (ср. § 2.2.1).

2.4. **ō* > *uo* > *ū*, **ē* > *ie* > *i*

2.4.0. В данном случае, также как и с переходами *ū* > *ou* и *i* > *ei* (§ 2.3.0), на основании фонетически аналогичного процесса (монофтонгизации) и практически полного совпадения территорий распространения (ср. ДА: 48 и 50) предполагаем, что речь здесь идет о едином фонетическом процессе.

2.4.1.1. Следующие факты указывают на то, что в праверхнелатышском восточнобалтийские гласные **ō* и **ē* еще не перешли в *uo* и *ie*, а сохранялись в говорах еще довольно долгое время: в части глубоких латгальских и в довольно большой части селонских говоров (ср. ДА: 54b) суффикс *-uols* (напр. *uozuols*) выступает в виде *-ols*, напр. *ūzols* (*Krāslava*⁵⁰⁶ *Alksnis* 1932: 30; *Skaista*⁵⁰⁷ *Latkovskis* 1935: 36). Объяснить эту форму, на наш взгляд, можно только, если предположить, что суффикс **-ōl-* был сокращен в *-ol-*, т. к. в этих говорах **ō* перешло в *ū*, а, следовательно, в противном случае нам следовало бы ожидать ***uls*. О том, что дифтонгизация восточнобалтийских **ō* и **ē* происходила во всех трех латышских диалектах отдельно свидетельствует и форма данного суффикса в Нижнелатышском, в глубоких ливонских говорах Курземе, где мы имеем *-al-s* (< **-ol-s* < **-ōl-s*). Более того, как представляется, подобное сокращение должно быть довольно поздним, ибо большая часть глубоких латгальских говоров имеет *-ul-s* (< **-ūl-s*), а следовательно, в этих говорах сокращение гласного перед *-l-* произошло уже после перехода **ō* > *ū*. Следовательно, **ō* и **ē* еще существовали в говорах после отделения праверхнелатышского от пралатышского.

2.4.1.2. Следующее заимствование указывает на тот факт, что **ē* > *i* через стадию *ie* (а следовательно и **ō* > *uo* > *ū*, § 1.4.0): *Kalupe*⁴⁴⁵ *gīdryš* „skaidrš“, *gīdriētš* „skaidroties“ из литовских *giedras*, *giedrėti* (*Reķēna* 1962: 388), поскольку, если это были бы исконные формы, следовало бы ожидать ***dz*, а в том, что данные формы балтийского происхождения сомнений не возникает.

2.4.2.1. Для дальнейших рассуждений здесь необходимо остановиться на проблеме исконности дифтонга *ei* в жемайтских говорах доуниинков. Брейдак (*Breidak* 1989: 139), основываясь на работе Казлаускаса (1969), рассматривает жемайтский *ei* и вследствие этого *eī* говоров *Veja*⁴⁶⁶, *Mazlaicene*³⁸⁶ как древний прабалтийский дифтонг, сохранившийся практически неизменным (**ei* > *eī*). На наш взгляд, однако, это представляется маловероятным по следующим причинам: окончание 1-го лица ед. ч. атематического презенса в говорах доуниинков *spēšō* (< **-ō*) (*Zinkevičius* 1966: 61) ясно свидетельствует о том, что до сокращения ауслатных гласных открытого слога восточнобалтийское

*ō (< позднеиндоевр. *ō) еще не было дифтонгизовано. Аналогично окончание мн. ч. прилагательных -e (< -ĕ, ср. *baltī* (Zinkevičius 1966: 467) в говорах доунииников должно восходить к *ē, а не к **ei¹².

2.4.2.2. Брейдак (1989: 139) утверждает, что в Мазлайценском говоре *eī*, соответствующее пралатышскому *ē и прабалт. (sic!) *ei сохранилось¹³, считая этот факт общим с жемайтскими говорами доунииников, где на месте восточнобалт.*ē мы имеем также сходное *ei*. При этом Брейдак основывается на предположении некоторых ученых (Казлаускас 1969), считающих, что и в говорах доунииников восточнобалт. прабалт. дифтонг *ei сохранился. Как было показано нами выше (§ 2.4.2.1), это очень маловероятно для говоров доунииников. Такие примеры как *ar lobīm zīrgīm, pī visīm vūortīm* (Mazlaicene₃₈₆, Ābele Lepīka 1928: 35) с *-ī(m)* ср. среднелат. *-iē(m)* < прабалт. *-ei- указывают на то, что прабалт. дифтонг *ei перешел в *ē здесь (как и везде в восточнобалт.), а затем в *ī. Данное *-ī* сохранилось в некорневых слогах, а в корневых через стадию *iī* перешло в *eī*. Наконец, форма *peīss* из Mazlaicene₃₈₆ (Ābele & Lepīka 1928: 41), соответствующая обычному латгальскому *piētis, piēte* „der Rücken einer Axt od. Sense“, прусс. *pentis* „Ferse“, лит. *pentis* (ср. ME_{III}, 302–303) доказывает, что дифтонгизация происходила после перехода прабалт. *-ei- > *-ē-, так как после перехода пралатышск. *ep > *ē. Кроме того, прабалтийский *ei, получивший в верхнелатышском нисходящую интонацию, был монофтонгизирован в Мазлайцене в *ī*, так же, как и во всех остальных говорах, и непонятно, почему именно дифтонг с прерывистой интонацией должен был сохранить свою прабалтийскую форму. Следовательно, здесь не может быть и речи о том, что в *eī* мазлайценского говора на месте *ie* литературного языка мы имеем реликт прабалтийского *ei.

В другом месте Брейдак (1989: 147) предполагает все-таки восточнобалт. *ē, а не *ei и считает, что жемайтским говорам доунииников и мазлайценскому говору обще развитие прабалт. *ē > *ī и *ō > *ū, которое, по его мнению, происходило приблизительно в V веке, когда латгало-селонские говоры и жемайтские говоры составляли географическую общность. Это, по сути, совершенно другая позиция. Как показывает относительная и абсолютная хронологии, и это утверждение, по нашему убеждению, невероятно, учитывая приведенные нами аргументы в §§ 2.1, 2.3.2, 2.3.3, 2.4.3, 2.4.4, 2.4.5. Кроме того, маловероятным представляется настолько древняя и, тем не менее, разобщенная общность – латгало-селонские и доунииникские говоры с одной стороны, и доунииникские и донининикские говоры с другой стороны. Здесь все-таки предпочтительней представляется классическое группирование.

¹² Другие аргументы приведены еще в Būga (1959: 150), Grinaveckis (1973: 150).

¹³ Интересно, что в говоре Kalupe₄₄₅ отмечается форма *l'eīc* (= *lietus*) (Reķēna 1962: 29, 417). Нами был просмотрен весь приведенный в Reķēna (1962) словарь данного говора и другие примеры с подобным вокализмом найдены не были. В связи с этим данная форма должна рассматриваться как архаичная восходящая к пралат. *litus / litas, как указывает Reķēna, фонологически связанная с жем. *lytus*.

2.4.3. Итак, нам восточнобалт. *ē результатом посл. Учитывая еще дан постулировать сле и сужения *ē и *ō:

1) ū > uц (> ou)
эу, eu))

2) *ō > uō > ū

3) *ō > ūo > ū

4) ū₂ > oū

Естественно, что не должно быть ис языка эта картина нас наиболее важ переходов. Также из (северо-)восточ полно были реали 2.4.4. Брейдак (1 ствований, в кото соответственно, кс Брейдак использу а) передача гла были произведены точна.

Однако это пре заимствования, уч и перенимающего свою фонетическу

¹⁴ В районе говоров *ē с восходящей инт Данная ситуация об рийной для процесс

дело с исходными узкими *ē и *ō, которые при заимствовании просто могли восприниматься носителями прибалтийско-финских языков как ī и ū. Данный случай вообще очень типичен для Брейдака, который очень буквально воспринимает фонетическую форму заимствования в перенявшем языке, а также фонетическую форму написания топонимов в древних немецких, польских и русских грамотах.

б) Здесь возможны две интерпретации: 1) процесс сужения в северобалтийском языке происходил одновременно с латгало-селонскими говорами; 2) процесс сужения происходил на этапе северно-восточнобалтийского праязыка, из которого позже произошел латгало-селонский язык.¹⁵

Таким образом, в обоих случаях предполагается особая близость севернобалтийского и латгало-селонского языков – генетическая или контактная. На наш взгляд, такое предположение абсолютно не доказуемо – не доказуем факт бывшего соседства севернобалтийского языка и латгало-селонского праязыка (по терминологии Брейдака) / диалекта и недоказуема особая генетическая близость этих двух языков.

2.4.5. Для абсолютной датировки этого процесса мы располагаем следующими данными. В пользу того, что процесс сужения *ō > ū / *ē > ī довольно поздний, свидетельствует заимствование *skūlātājs* (Lejasciems, 393 Abele 1924: 36), которое, очевидно, было заимствовано до начала или во время действия этого процесса. Эндзелин (Endzelīns 1927: 5) указывает на то, что уже в работе Манцелиуса *Lettus* (1638 года) *ē (по Эндз. *ie*) перешло в ī и *ō (по Эндз. *uo*) в ū. Предположительный *terminus post quem* дает упомянутая в 1464 форма из Алуksне, содержащая *o* на месте *ō, если интерпретация источника Эндзелином (там же) правильна. Он также указывает на упомянутую в 16-ом веке форму из Латгалии *Ason*, где *-o-*, возможно, обозначает *ō.¹⁶ Таким образом, можно предположить, что процесс сужения *ē и *ō должен был начаться в конце XVII – в начале XVIII вв. Абсолютная датировка подтверждает относительную, т. е. видно, что процесс сужения начался здесь еще до процесса дифтонгизации (ср. § 2.4.3).

2.5. *arK > ārK, *erK > ērK

2.5.1. Учитывая аналогичность продлений *a* и *e* перед тавтосиллабическим *r*, а также их одинаковое географическое распространение, мы рассматриваем эти продления как одновременные и как части одного процесса (ср. Endzelīns 1951: 148). Продление происходило только при нисходящей интонации.

¹⁵ Подобный сценарий вроде бы предполагается в работе Брейдака (1989: 43). Однако здесь же несколькими страницами раньше (Брейдак 1989: 6) севернобалтийский в реконструкции не фигурирует. В Брейдак (1988: 32) к вопросу о *ō из *ā просто используется факт древности заимствований, из которого якобы следует, что севернобалтийский вокализм может быть использован для всего восточнобалтийского.

¹⁶ Ср. карты ДА: 54b и 55a, 55e, из которых видно, что территория распространения перехода *ō > ū и *ē > ī в корневых и суффиксальных слогах примерно одинакова.

2.5.2. Из следующего библическим *r* заверш перехода $\bar{a} > \bar{o} >$ ным сохранился \bar{a} Beļava³⁹⁴, Litene⁴⁷², ārdīt, dūord к dārdiē продление гласной происходило одно латышских говора: интонации), чем в

2.6. ā > ō > ȳ > i

2.6.1. ОПИСАНИЕ

Вообще говоря, и действия 1-ой пали лишь односложны (118), ср. *kas, tad, k*

2.6.1.1. Переход *ā >

Важно отметить, $ao > \bar{o} > \bar{ȳ}$, что селонских говорах восток, в латгальск эпицентр данного Kušķis (1958: 141) с говорах Grostona⁴¹ шится дифтонг *-uo* *ā перешло в *uo*.

2.6.1.2. Переход *a >

2.6.1.2.1. Переход в древних, зачастую строго соблюдает безударной, ср.: A 1914: 111), напр. воспринимаются н *a: ap-lūcīt, padūmūt*

¹⁷ Видимо все сочет. словам, ср. употребл *zarauduōt' „apraudāti*

2.6.1.2.2. Эндзелин считает, что переход *а > о в не первом слове связан со вспомогательным ударением (Endzelīns 1951: 111). На наш взгляд, это в некотором роде вынужденное предположение, поскольку в словах *vosora*, *vokors* нет никаких причин, обуславливающих вспомогательный акцент (ср. Endzelīns 1951: 33). Мало того, по правилу, указанному Эндзелином, вспомогательное ударение в *vosora* даже невозможно, поскольку последние два слога имеют одинаковый размер, т. е. -кратк.-кратк. В такой ситуации по Эндзелину (там же) даже в случаях, где для вспомогательного ударения морфологически благоприятные условия (например, *nesīti*), вспомогательного ударения, тем не менее, нет, т. е. *nési*.

На наш взгляд, более вероятное следующее объяснение: качество неударного неконечного гласного (в непалатальном контексте) определяется качеством ударного гласного, т. е. при ударном *o*, *a*, *y*, *u* и соответствующих долгих, (*ei*), а также перед *-l-* мы имеем *o*. Ср. *soldonc*, *varonc* но *pieciestanc* „tas, kas jāpiecieš“, *striķātanc* „tas, kas jāstriķē“ (Rudzīte 1964: 323); *vokors*, *vosora*, *žogota*, *žogors* (Reķēna 1962: 15), *drupona*, *Dyrvonc* (nom. prop.) (Reķēna 1962: 77) но *mīlašc* „mielasts“, *šķieržlacs* „ķirzaka“ (Reķēna 1962: 105–107).

2.6.1.3. Исключение, вызванное 1-ой верхнелатышской перегласовкой

В результате незатронутыми данным процессом остались древние *а и *ā, находившиеся в условиях 1-ой верхнелатышской перегласовки в палатальном контексте. В ходе перегласовки (§ 2.9.2.1) все древние *а/ā в позиции перед палатальными были перегласованы *а/ā > *а^е/ā^е и затем не поддались лабиализации ввиду своей фонетической формы, и позднее перешли в а/ā. Позже этот а/ā в латгальских говорах совпал с новым а/ā из е/ē. В селонских же говорах различие между этими двумя фонемами сохранилось и по сей день. Следовательно, предположение Бецценбергера (1885: 96) о том, что в ходе перегласовки *а/ā совпали с е/ē и затем совместно перешли в а/ā, не оправдывается (§ 2.9.2.1.3).

2.6.1.4. Позиция перед -v-

Перед *v* в неударном слове в некоторых говорах мы имеем *o*, ср. *Dzelzava*⁴⁰⁹ *nařakowu* (Kauliņ 1887: 221) и как показывает пример из *Lizums*³⁹⁷ *rogovas* но *gobana*, *vokars* (Apsītis 1914: 90) речь здесь идет, скорее всего, несмотря на возражения Эндзелина (Endzelīns 1951: 115), о фонетическом переходе. Что касается а перед *v* в ударном слове, то здесь действительно, как и предполагает Эндзелин (там же), *av* во многих случаях восходит к правверхнелат. **ev* и верхнелатышский диалект сохранил здесь более древнюю форму, ср. *ševīši* (правверхнелат. **ševieši*) „šavieši“ Aknīste³⁶⁸ (Ancītis 1977: 49).

2.6.2. АБСОЛЮ

Для абсолютности вания с а, не сод Brencis 1914: 113 в ударных, так и переход довольн е. здесь е > а а з

2.6.3. ВОПРОС ПРАВЕРХНЕЛАТ

2.6.3.1. Общие аргу

Для обсуждения должен восстанобалт. *а и *ā. зрения, согласна на восточнобалт ем, а затем закр Эту точку зрени (1963: 193–194). опираются на де древних источни диалектологичес источников не мс фонетической ф здесь исконное : системы. Что же : указывающего на Зинкявичус (1972 основаны на неп

Учитывая, что больше сужался, фонологической фонизации. Друг могло оказать вл «Sog und Schub»), можно проиллюс

¹⁸ См. Брейдак (19

¹⁹ Здесь и далее Бр индоевропейском прабалт. *ā.

²⁰ Несмотря на кри

рвом слоге связан со
наш взгляд, это в не-
словах *vosora, vokors*
акцент (ср. Endzelīns
ом, вспомогательное
ие два слога имеют
и по Эндзелину (там
ия морфологически
ьного ударения, тем

качество неударного
еделается качеством
етствующих долгих,
о *piēcīstanc „tas, kas
vokors, vosora, žogota,*
Reķēna 1962: 77) но
17).

овкой

ись древние *а и *ā,
ласовки в палаталь-
ние *а/ā в позиции
затем не поддались
нее перешли в а/ā.
ī из ę/ę̄. В селонских
хранилось и по сей
185: 96) о том, что в
о перешли в а/ā, не

зем о, ср. *Dzelzava*₄₀₉
*Lizums*₃₉₇ *rogovas* но
всего, несмотря на
ском переходе. Что
но, как и предпола-
к праверхнелат. *ę̄
ую форму, ср. *ševiši*
49).

2.6.2. АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ

Для абсолютной хронологии (*terminus post quem*) можно привести заимство-
вания с а, не содержащие перехода а > о, ср. *cars, tabaks, marka* (Alūksne₄₆₅,
Brencis 1914: 113). Однако для неударного слога в тех говорах, где *а > о как
в ударных, так и в неударных слогах, заимствования показывают, что данный
переход довольно поздний: *Kalure*₄₄₅ *čičola* из «чучело» (Reķēna 1962: 374), т.
е. здесь е > а а затем а > о в ударной же позиции а: *čudaks* «чудак».

2.6.3. ВОПРОС ОБ ИСХОДНОМ ФОНЕТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ПРАВЕРХНЕЛАТЫШСКИХ ФОНЕМ *а И *ā

2.6.3.1. Общие аргументы в пользу *а и *ā

Для обсуждения данного перехода следует оговорить, какой гласный
должен восстанавливаться для праверхнелатышского на месте правосточ-
нобалт. *а и *ā. Дело в том, что Брейдак в своих работах¹⁸ отстаивает точку
зрения, согласно которой *ō возник из прабалт.¹⁹ *ā, а *о из прабалт. *а еще
на восточнобалтийской почве – изначально *о/ō были только под ударени-
ем, а затем закрепились и во всех остальных позициях (Брейдак 1980: 65).
Эту точку зрения обосновали в науке Казлаускас (1962: 23–24), Мажюлис
(1963: 193–194). Брейдак в своих работах поддержал и развил ее. Эти ученые
опираются на данные прусского языка, написание латышских топонимов в
древних источниках, заимствования в балтийско-финских языках а также на
диалектологические данные. Следует отметить, что ни один из трех первых
источников не может иметь полной доказательной силы в определении точной
фонетической формы гласного в древности, учитывая хотя бы тот факт, что
здесь исконное звучание прошло через призму совсем иной фонетической
системы. Что же касается литовского диалектологического материала, якобы
указывающего на восточнобалтийский *ō (из и.-е. *ā), *о (из и.-е. *а), то тут
Зинкявичус (1972) показал, что аргументы Казлаускаса и Мажюлиса во многом
основаны на неправильной трактовке этого материала²⁰.

Учитывая, что прабалтийский *ō в ходе истории балтийских языков все
больше сужался, *ō > *ō̄ > лит., лат. *uo*, т. е. двигался в сторону ū, то в
фонологической системе для *ā все больше освобождалось «места» для алло-
фонизации. Другими словами, вполне вероятно, что изменение гласного *ō
могло оказать влияние на *ā по принципу «разреженности и давления» (нем.
«Sog und Schub»), установленному Мартине (1981: 54–57). Данное объяснение
можно проиллюстрировать на схеме:

¹⁸ См. Брейдак (1989: 181–91); Bredaks (1980); Bredaks (1988).

¹⁹ Здесь и далее Брейдак использует термин и.-е. *ā. Согласно *opinio communis* **ā в
индоевропейском языке не было – мы здесь и далее последовательно заменяем на
прабалт. *ā.

²⁰ Несмотря на критику Гирдяниса (1977).

ī ū ↑

ē ō ↑

ē ā

Таким образом с фонологической точки зрения вполне вероятно, что позднее правосточнобалтийское *ā могло быть несколько «сдвинутым» в сторону *ō, т. е. быть в большей или меньшей степени лабиализованным, например, в зависимости от диалекта или позиции в слове. Однако, как было сказано выше, это должно было быть связано с переходом правосточнобалт. *ō > *ō̄, т. е. переход *ō > *ō̄ должен был или быть практически перед лабиализацией *ā (т. е. создал «разреженность» по Мартине) или сразу же после (т. е. стал результатом оказания «давления» по Мартине), а следовательно, незадолго до или во время распада восточнобалтийского на пралатышский и пралитовский.

Что касается краткого *a*, то поскольку на фонематическом уровне для правосточнобалтийского восстанавливается только одна фонема, то исходя только из системных соображений нельзя исключить возможности, что она могла колебаться в зависимости от диалекта или позиции в спектре *a* – *o*.

2.6.3.2. Данные верхнелатышского диалекта, свидетельствующие в пользу праверхнелат. *a и *ā

2.6.3.2.1. ДАННЫЕ В ПОЛЬЗУ КРАТКОГО *a

В конце слова во всех верхнелатышских говорах мы имеем *a*. Далее рассмотрим те случаи, где *a* > *o*. В центрально- и южнолатгальской форме *vokors* (= *vakars*, в *Barkava*₄₂₅, *Varaklāni*₄₂₆, *Višķi*₄₅₁, *Zvirgzdene*₄₈₇, *Kārsava*₄₈₁, *Krāslava*₅₀₆, *Līvāni*₄₃₆, *Skaista*₅₀₇ (Брейдак 1989: 152) и др. оба *o* не этимологичны, поскольку здесь следует восстанавливать форму **veker-*, ср. слав. *вечер*, то же самое действительно и для *vosora* *Zvirgzdene*₄₈₇, *Pilda*₄₉₂ (ibidem), ср. слав. *веч-н-а* < **ves-n-* и греч. *ἔαρ* < **ves-ŕ*. Таким образом, здесь следует исходить из **a* > *o*. Что же касается корневого *o*, то здесь трудно выяснить какого качества данный гласный был в праверхнелатышском. Так или иначе, утверждение Брейдака (1989: 155) о некоей перегласовке *o* > *a* неправильно, поскольку палатальная перегласовка гласного *o* никак не привела бы к *a*, что подтверждается типологически 3-ей верхнелатышской перегласовкой (примеры см. § 1.9.2.3). Кроме того, следующие примеры свидетельствуют о том, что перегласовка работала здесь совсем по иному принципу, а не *o* > *a* перед палатальными:

– приведенные самим же Брейдаком (ibidem) примеры *loška* «кровать» из белорусск. *лóжак*, *tošna* из русск. «тóшно», из *Alūksne*₄₆₅ (Brencis 1914: 113) *grošs* «грош» с *o* (а не *a*) перед палатальным *š*;

– анаптический *kotrs*, ср. среднелат. *costris* (с другой палатальной *r*);
– аналогично и с *o* (ср. среднелат. *astuoni*)
среднелат. *alu*).

Таким образом, в латышском был гл. праверхнелат. *ā, и

2.6.3.2.2. ДАННЫЕ

2.6.3.2.2.1. Следующих *ā* > *uo*, косвенно в селонских, существительных *nūmozgaišas*, *nūmozg* (Åbele 1935: 197). В зависимости от того, какой был краткий *o* (KoiK.²¹ Очевидно, что *uo* бы к *gaiše* и, возм. *uo* через **ō̄*. В приводе в двух- и более слогах или *ā* (*gaiše*) был со *uo* и потому не пом.

2.6.3.2.2.2. Далее ф. среднелат. *slāvēns*, *ē*), уже в ходе истор.

2.6.3.2.2.3. Далее, и в результате палатализации *Endzelins* 1951: 126 *pa* *Litene*₄₇₂ а также, *ābels* (= лит. *obelis*), *-uo-* симплексов *ku* по 1-ой перегласовке

²¹ На месте Кбжк-не в латышских диалектах латышского диалекта латгальских говорах и

²² Сокращение же суп. односложных слов форм и более нет – разница последующего слога,

²³ *Beļava*₃₉₄, *Litene*₄₇₂, *š* чаются оба вокализмы

– анаптический *i* не вызывает перегласовки *o* > ***a*, например, *kotris* (< *katrs*, ср. среднелат. *katrs*, в *Alsviķa*₃₉₁, *Beļava*₃₉₄, *Litene*₄₇₂ (Zaube 1939: 120)), а другой палатальный гласный в слове с корневым *o* не встречается;

–аналогично и с другими, поздними *i*, например, *ostiņi* (< **ostūņi*, ср. среднелат. *astuoni*), *olī* (переход *u*-склонения в *i*-склонение, акк. ед. ч., ср. среднелат. *alu*).

Таким образом, и здесь нет фактов, указывающих на то, что в правверхнелатышском был гласный *o*. В связи с этим мы так же, как и в случае с долгим правверхнелат. **ā*, предполагаем звук правверхнелат. **a*.

2.6.3.2.2. ДАННЫЕ В ПОЛЬЗУ ДОЛГОГО **ā*

2.6.3.2.2.1. Следующие примеры из глубоких латгалских говоров, в которых *ā* > *uo*, косвенно указывают на то, что некогда и в этих говорах, как и в селонских, существовал гласный *ō* или даже *ā*: *globāis* // *globāise*; *mozgāis* // *nūmozgāišas*, *nūmozgāišis*; *gūojs* // *goīse* *Lāzberģi*₄₆₅, *gaīse* *Mālupe*₄₆₈, *goīsa* *Jaunroze*₃₈₄ (*Ābele* 1935: 197). В основе рассматриваемых форм лежит группа *-KājVK-* – в зависимости от того, насколько рано происходило сокращение, мы имеем различный краткий гласный: *-KājVK-* > *-KājK-* > *-KaiK-* / *-KōjVK-* > *-KōjK-* > *-KoiK-*.²¹ Очевидно, что сокращение формы *gūojse* (напр. *Zvirgzdīne*₄₈₇) не привело бы к *gaīse* и, возможно, к *goīse*. Как говорилось выше (§ 1.6.1.1), *ā* перешло в *uo* через **ō*. В приведенных выше примерах стадия **ō* или даже *ā* сохранилась в двух- и более сложных формах причастий, где долгий гласный *ō* *goīse/ goīsa* или *ā* (*gaīse*) был сокращен перед последующим слогом до перехода *ā* > *ō* > *uo* и потому не поменял своего качества.²²

2.6.3.2.2.2. Далее форма *stovons* (*Zasa*₃₆₃, *Navenickis* 1933: 96), соответствующая среднелат. *slāvēns*, во втором слогe явно показывает, что *ō* возникло из *ā* (< *ē*), уже в ходе истории верхнелатышского диалекта.

2.6.3.2.2.3. Далее, на **ā̇*, **ā̇*, а не **o*, **ō* в древнелатгалских говорах указывает и результат палатальной перегласовки. Зафиксированные Миленбахом (apud *Endzelins* 1951: 126) формы с перегласовкой из глубокого латгалского говора *Litene*₄₇₂ а также, например, *Alūksne*₄₆₅ (*Brencis* 1914: 117) *kātiņš* (ср. *kuots*), *ābels* (= лит. *obelis*, ср. *uobuls*) и др.²³ свидетельствуют о том, что на месте *-uo-* симплексов *kuots*, *uobuls* некогда был **ā̇*, который в этой позиции пройдя по 1-ой перегласовке через стадию **ā̇*^c (см. § 2.9.2.1) снова вернулся в исходное

²¹ На месте *KōjK-* не может быть субституирован *-KaiK-*, как это произошло бы в других латышских диалектах, где краткого гласного *o* нет, так как в фонетической системе верхнелатышского диалекта есть и краткий гласный *o*. Однако здесь следует учесть, что не во всех латгалских говорах имеется дифтонг *oi*.

²² Сокращение же супердолгого дифтонга объясняется на наш взгляд тем, что в односложных словоформах долгий дифтонг (*-uo-* / *-ō-* / *-ā-*) сохраняется, а в двусложных и более нет – разница между *gūojs* // *goīse*, *goīsa*, *gaīse* очевидно в присутствии/отсутствии последующего слога, т. к. и в мужск. роде в косвенных падежах дифтонг также сокращен.

²³ *Beļava*₃₉₄, *Litene*₄₇₂, *Stāmeriena*₄₀₂ (Zaube 1939: 121), где в формах перед палатальным встречаются оба вокализма *ā* и *uo*.

е вероятно, что позд-
двинутым» в сторону
юванным, например,
со, как было сказано
сточнобалт. **ō* > **ō̇*,
перед лабиализацией
/ же после (т. е. стал
увательно, незадолго
латышский и прали-

ом уровне для право-
ма, то исходя только
юости, что она могла
лектре а – о.

е в пользу

еем *a*. Далее рассмот-
жной форме *vokors* (= *Ārsava*₄₈₁, *Krāslava*₅₀₆,
мологичны, поскольку
в. *вечер*, то же самое
1), ср. слав. *веч-н-а* <
г исходить из **a* > *o*.
кого качества данный
тверждение Брейдака
сколькx палатальная
тверждается типоло-
ы см. § 1.9.2.3). Кроме
регласовка работала
итальными:

ры *loška* «кровать» из
65 (*Brencis* 1914: 113)

в *ā. Так или иначе, формы *kātiņš*, *ābels* из ***kōtiņš*, ***ōbels* невыводимы, т. к. *ō дает перегласовку *ō*, ср. *mōli* (из *mōls* = *māli* – *māls*) (*Sāviena*⁴²⁸ (M. Poiša, LVI)).²⁴ Аналогичные примеры с *ā приводит и сам Брейдак (1980: 70) из селонских говоров: *ratīņš*, *rateņš* versus *rots*, интерпретируя их, однако, наоборот, т. е. как доказательство в пользу древнего *o. Как указывалось выше, с точки зрения фонетики, для *a и *ā палатальная перегласовка не могла дать *o^e > **a или *ō > **ā. Далее, на некогда действовавшую перегласовку указывают следующие формы из *Kaldabruņa*⁴⁴² (Kancāns 1937: 48): *vasareņa* но *vosora*, *lakateņč* но *lokots* и др.²⁵

2.6.3.2.2.4. Следующие заимствования, возможно, указывают на то, что латг.-uo- возник из -ā- ср.: *Lubana*⁴¹⁷, *zūodžs* (Breidak 1977: 32) „zāģis“ (из СНН²⁶ *sage*, ME_{IV}, 695). Данное заимствование, кстати, дает также ценную информацию об абсолютной датировке существования ā / ā̄ в латгальских говорах²⁷, так как изначально a в ср.-нижненем. кратко – его продление в открытом слоге происходило в истории древнесаксонского / древненижненемецкого, и завершилось предположительно к концу XII-го века (Gallée 1993: 1 и 16).²⁸ Далее заимствования из русского, где ударному á соответствует uo: *Kalupe*⁴⁴⁵: *rūocs* (< *rád*), *slūops* (< *sláb*), *vūožēt'* (< *vážit'*) (Reķēna 1962: 26). Маловероятно, что все заимствования подобного рода (а их достаточно много) проникли в то время, когда *e / *ē еще не перешли в a / ā̄ и в латгальской фонетике не было более адекватного звука чем *ō*. Также предположение, что все эти заимствования могли пройти через литовский язык, где мы имеем o на этом месте, не представляется убедительным. По крайней мере для первого нашего примера *zūodžs* эти возражения вообще отпадают, т. к. в близких селонских говорах мы здесь имеем ā, ср. *fāģis* (*Sausnēja*³³⁵, *Vietalva*³⁴², *Kauliņ* 1887: 221). Для этого примера вероятней предположить, что это слово постепенно через селонские говоры проникло в глубокие латгальские говоры.

2.6.3.2.2.5. В пользу того, что именно долгое *ā перешло в *ō* и затем в uo, свидетельствуют и формы с продлением, например, из *Alūksne*⁴⁶⁵ (Brencis 1914: 117): *dūorgs* (= *dārgs* < **darg-*, ср. русск. *дорогбуй* < **dorg-*), аналогично в *Beļava*³⁹⁴, *Litene*⁴⁷², *Stāmeriena*⁴⁰² (Zaube 1939: 121; Брейдак 1989: 182): *uorda* (*ārdit*, как показывает однокоренная литовская форма *ardyti*, содержит древнее краткое a, которое было продлено перед тавтосиллабическим -arK- > -ārK-), далее *dūord* и *dārdiēt*, *vūortu* и *vārīt* и др.

²⁴ Брейдак против палатальной перегласовки, однако см. § 1.8.2.

²⁵ Здесь, конечно, можно было бы возразить, что в этих примерах еще сохранилось древнее распределение по ударению – в ударной позиции o, *ō* в безударной a, ā̄. Однако тогда возникает вопрос, почему это древнее распределение сохранилось только перед палатальными, а в остальных позициях исчезло.

²⁶ Здесь и далее: средненижненемецкий.

²⁷ При этом в целом не важно, было ли ср.-нижненем. *sage* заимствовано напрямую или через среднелатышские говоры, т. к. долгое ā передалось бы и в этом случае без изменений.

²⁸ СНН ā передается латышским ā̄, а СНН *ō* латышским uo (Endzelins 1951: 64). Однако, до тех пор, пока произношение СНН в Ливонии до конца не выяснено, данный факт не имеет полной доказательной силы.

2.6.3.2.2.6. Здесь торый указывает, что происходит ретролитературного языковых да к середине прошло в более ранних. Э лабиализованный день (ДА: 39b), н колена в Lazdon (Elksnītis 1929: 12 Брейдака, мы счита ā в *ō*³⁰ является в ничего общего с г *a. В пользу этого – в некоторых не Mētriēna⁴²⁹, Medņi⁴³⁰ группу, наряду с *ē* ванный гласный с быть древним, а в очередь из *ē*) по 2-обстоит и с кратки (*vocs*), ср. ДА: 20a (ДА: 16c);

– далее, ряд заи лабиализованный например: *Dzelzav* (Kauliņ 1890: 322),

2.6.3.3. Выводы

Обобщая вышеск го мы восстанавли возможности, что и иметь несколько пралатышского *ā диалекта. Для крат

²⁹ Так например, в *Sē Kauliņš* (1933: 11), а и *perazist*“.

³⁰ Спорадический пе Подобная ситуация, и ции – при восходяще

³¹ По предположени

ls невыводимы, т. к. Sāviena⁴²⁸ (M. Poiša, ģak (1980: 70) из с-к, однако, наоборот, алось выше, с точки не могла дать *o^e > гласовку указывают *vasareņa* но *vosora*,

вают на то, что латг. *zāģis*“ (из СНН²⁶ *sage*, еннюю информацию ьских говорах²⁷, так ле в открытом слоге емецкого, и завер- 93: 1 и 16).²⁸ Далее т *uo*: *Kalure*⁴⁴⁵; *ģuocs* : 26). Маловероятно, (ного) проникли в то й фонетике не было то все эти заимство- л о на этом месте, не юго нашего примера элонских говорах мы 887: 221). Для этого нно через селонские

в *ō* и затем в *uo*, сви- ksne⁴⁶⁵ (Brencis 1914: ģorg-), аналогично в ģak 1989: 182): *uorda ūti*, содержит древнее еским -arK- > -ārK-),

ще сохранилось древнее *a*, *ā*. Однако тогда возни- о перед палатальными, а

овано напрямую или эм случае без изменений. is 1951: 64). Однако, до , данный факт не имеет

2.6.3.2.2.6. Здесь еще следует обсудить мнение Брейдака (1989: 181–2), который указывает на тот факт, что в западнолатгальских и селонских говорах происходит ретроградное развитие *ō* (** = прабалт. *ā) > *ā* под влиянием литературного языка. Об этом, якобы, свидетельствует сравнение диалектологических данных в хронологическом порядке, собранных в начале и середине прошлого века – в более поздних записях появляется *ā* на месте *ō* в более ранних. Это утверждение не абсолютно точно²⁹. Кроме того, *ō* или лабиализованный *ā* спорадически появляются в селонских говорах и по сей день (ДА: 39b), например, в говорах *Dzelzava*⁴⁰⁹, а также в речи старого поколения в *Lazdona*⁴¹⁹, *Prāuliēna*⁴²⁰, *Sarkaņi* / *Sarkanis*⁴¹⁴, *Patkule*⁴¹⁵, *Cesvaine*⁴¹⁶ (Elksnītis 1929: 128–129). Однако, несмотря на приведенные выше аргументы Брейдака, мы считаем, что лабиализация или даже полный переход селонск. *ā* в *ō*³⁰ является вторичным процессом (2-ой лабиализацией), не имеющим ничего общего с гипотетическими³¹ восточнобалт. ***ō*, ***o* ** < прабалт. *ā, *a. В пользу этого утверждения свидетельствуют следующие факты:

– в некоторых неглубоких селонских говорах, а именно: *Odziēna*³⁴¹, *Sāviena*⁴²⁸, *Mētriēna*⁴²⁹, *Medņi*⁴³⁰, которые между собой составляют общую географическую группу, наряду с *ē* и *ā* на месте пралатышского **ē* встречается и лабиализованный гласный *ā*, *ō*, *ō^a* (ср. ДА: 20b). Понятно, что такой *ā*, *ō*, *ō^a* не может быть древним, а возник относительно недавно из *ā* (которое развилось в свою очередь из *ē*) по 2-ой лабиализации, ср. § 2.6.4.3. Аналогичная ситуация здесь обстоит и с кратким *ē* (*vecs*), которое встречается в этом же районе в виде *o* (*vocs*), ср. ДА: 20a, а также с *a* перед палатальными, например, *golviņa*, *zolš* (ДА: 16c);

– далее, ряд заимствований также содержит на месте *-a-* в исходном языке лабиализованный звук, при том, что «чистый» *-a-* (< *-ē-*) в говорах имеется, например: *Dzelzava*⁴⁰⁹ *Doāwids* (ср. *koa* = *kā*, там же) при *grākus* (= *grēkus*) (*Kauliņ* 1890: 322), *Joaņa* (= *Jāņa*) (*Kauliņ* 1890: 326) и др.

2.6.3.3. Выводы

Обобщая вышесказанное (§§ 2.6.3.1, 2.6.3.2.1, 2.6.3.2.2), для праверхнелатышского мы восстанавливаем в принципе **ā*, а не **ō*, при этом, однако, не исключая возможности, что в определенных фонетических позициях эта фонема могла иметь несколько лабиализованный аллофон. Другими словами, переход пралатышского **ā* > *ō* начался только уже в ходе истории верхнелатышского диалекта. Для краткого *a* такое уточнение, как было сказано выше (§ 2.6.3.1),

²⁹ Так например, в *Sausņēja*³³⁵ отсутствует *ō* еще в описаниях Каулиня, ср. *Kauliņ* (1887: 216), *Kauliņš* (1933: 11), а про краткое *o* *Kauliņš* (там же), что „...vecā valoda Sausņēja to nemaz nepazīst“.

³⁰ Спорадический переход *ā*, *ō^a* и пр. в *ō* имеет причину в упрощении дифтонгоидов. Подобная ситуация, например, в *Pļaviņas*³⁴⁸, где реализация дифтонга *oa* зависит от интонации – при восходящей интонации *oa* > *ā*, *ā*, при нисходящей – *oa* > *ō*, *ō* (*Īvenu* 1928: 83).

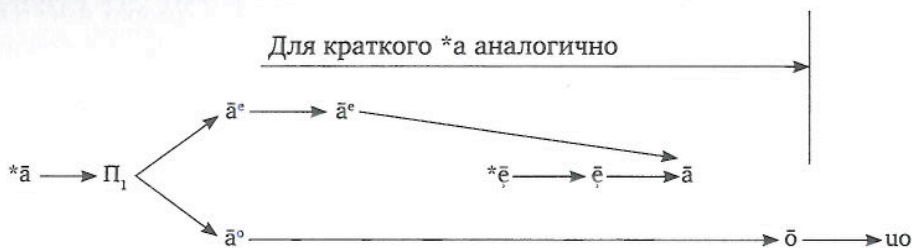
³¹ По предположению Казлаускаса, Мажюлиса, Брейдака и др., см. выше § 2.6.3.1.

не важно. Однако и здесь можно предположить, что древний краткий *а не поддавшийся 1-ой палатальной перегласовке (*а > *а^е), был лабиализован, т. е. *а > *ā и затем в центральной и южной Латгалии все неконечные *ā перешли в о (тип *vokors*), а в остальной части Латгалии только тот *ā проявился в о, который находился в ударной позиции (тип *vokars*). Так, кстати, можно объяснить и односложные слова, которые почти все имеют а, – большая часть из них – это клитики. Данный процесс лабиализации мы будем для краткости далее называть **1-ой лабиализацией**.

2.6.4. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВЕРХНЕЛАТЫШСКОГО *ā в > ā > ȡ > uo, *а > ā > о В ВЕРХНЕЛАТЫШСКОМ

2.6.4.1. Вероятно, изначально любое *а, *ā было в позиции перед палатальными гласными³² перегласовано в *а^е, *ā^е. Затем гласные *а^е, *ā^е перешли в а, ā. Приблизительно именно в это же время начинается процесс лабиализации второго аллофона а > ā > о, ā > ā̄ > ȡ (позже в > uo). Таким образом, аллофоны фонем *а и *ā развиваются все дальше друг от друга. В связи с этим возникают чередования а / о и ā / uo, например, в *Litene*₄₇₂ (Миленбах *arud Endzelins* 1951: 126) *kātiņš* (ср. *kuots*), *ābels* (= лит. *obelis*, ср. *uobuls*). Следует отметить, что данные примеры очень редки, в большинстве же латгальских говоров не осталось следов перегласовки, см. *Ābele* 1934; *Endzelins* 1951: 126). Таким образом, для относительной хронологии мы можем сделать вывод, что процесс 1-ой лабиализации начался *после* 1-ой перегласовки.

Так мы предполагаем развитие а, ā в латгальских говорах.

Краткий *а в ударных слогах аналогично в говорах типа *vokars* и в ударных и безударных слогах основы в говорах типа *vokors*. В абсолютном конце слова краткий *а > а без изменений.

Обозначения возникших в результате перегласовки аллофонов *ā^е и *ā^о в определенном смысле схематичны. Здесь важно, что оба эти аллофона

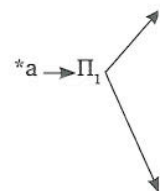
³² Перегласовка происходит перед палатальными гласными или согласными *k, ġ, j, č, dž, š, ž, l, ņ*. Гласный *i*, соответствующий у других говоров, перегласовку не вызывает (*Endzelins* 1951: 110–111), ср. § 1.9.2.1.

после перегласовки, вследствие лабиализации

2.6.4.2. Совпадение и смежных запа

В селонских латгальских, раз тышской пере место. В поль некоторых се. (где Е – палат 1929: 126), N говоре *Aknīst* воров резуль глубоких лати когда оба ал > а > ā. Сле поколения в L (*Elksnītis* 1929)

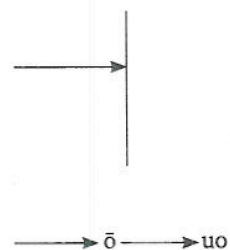
Ниже схема

Итак, для то паднолатгаль Состоянии А древних *а/ā, подобного со 12–13). Имен ти глубоких

ний краткий *а не
л лабиализован, т.
эконечные *ā пере-
тот *ā прояснился
Гак, кстати, можно
'а, – бóльшая часть
дем для краткости

ии перед палаталь-
'а^е, *ā^е перешли в а,
цесс лабиализации
Таким образом, ал-
луга. В связи с этим
472 (Миленбах arud
ср. uobuls). Следует
тве же латгальских
ndzelins 1951: 126).
сделать вывод, что
вски.
сах.

с слогах аналогично в
дарных и безударных
ипа vokors. В абсолют-
а > а без изменений.

ллофонов *ā^е и *ā^о
оба эти аллофона

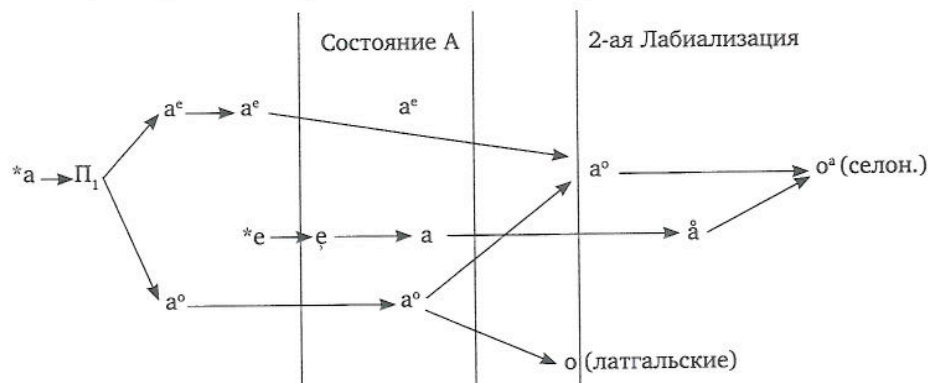
пасными k, g, j, č, dž, š,
е вызывает (Endzelins

после перегласовки фонетически довольно сильно отличались друг от дру-
га, вследствие чего только лишь второй аллофон *ā^о был подвергнут 1-ой
лабиализации.

2.6.4.2. Совпадение результатов 1-ой перегласовки в селонских
и смежных западнолатгальских говорах

В селонских же говорах и, очевидно, под их воздействием, в западнолат-
гальских, развитие пошло дальше. Очевидно, что процесс 1-ой верхнела-
тышской перегласовки, ввиду его древности, и здесь тоже должен был иметь
место. В пользу этого свидетельствуют, кроме того, сохранившееся еще и в
некоторых селонских говорах распределение ā/a < *a + E и o/ā < *a + A
(где E – палатальный контекст, A – непалат.), например, в Dzelzava (Elksnītis
1929: 126), Nereta³⁶⁵, Viesīte³⁶¹ (Endzelins 1951: 110), в глубоком селонском
говоре Aknīste³⁶⁸ (Ancītis 1977: 48–49). Однако в большинстве селонских го-
воров результаты его совпали, – но не по аналогии, как и в большей части
глубоких латгальских говоров, – а фонетически. Совпали еще на той стадии,
когда оба аллофона фонетически не сильно отличались друг от друга *a^е
> a > ā. Следы лабиализации сохранились, например, еще в речи старого
поколения в Lazdona⁴¹⁹, Prauliena⁴²⁰, Sarkaņi (Sarkanis)⁴¹⁴, Patkule⁴¹⁵, Cēsvaive⁴¹⁶
(Elksnītis 1929: 128).

Ниже схема развития с учетом селонских говоров:

(долгий ā, (ē) аналогично)

Итак, для того, чтобы яснее объяснить картину развития в селонских и за-
паднолатгальских говорах, остановимся на относительно-хронологическом
Состоянии А (указанном на схеме). Здесь мы имеем 2 аллофона a/ā и a^о/ā^о
древних *a/ā, а также еще не изменившийся e/ē (из пралат. *e/ē), остатки
подобного состояния еще можно наблюдать в Ogre³²⁵, Ērgļi³²⁶ (Zariņš 1931:
12–13). Именно в этот момент начинается различие в дальнейшем разви-
тии глубоких латгальских (*e/ē > a/ā, *a/ā > a/ā и *a^о/ā^о > o/ā > o/uo),

с одной стороны, и селонских говоров с другой стороны, где a/\bar{a} и a^o/\bar{a}^o (из $*a/\bar{a}$) совпадают в a^o/\bar{a}^o , а $*e/\bar{e}$ становятся новыми a/\bar{a} и далее они все по 2-ой лабиализации могут спорадически переходить в o/\bar{o} . По поводу того, что неперегласованные палатально аллофоны фонем $*a$ и $*\bar{a}$ далее развивались в a^o и \bar{a}^o соотв., сомнений не возникает – именно в такой форме (т. е. a^o , \bar{a}^o или o , \bar{o}) они появляются в современных селонских и западнолатгальских говорах. О том, что a , \bar{a} ($< *e$, $*\bar{e}$) в селонских говорах были подвергнуты 2-ой лабиализации, ярко свидетельствуют следующие примеры:

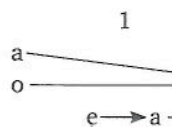
– в говорах Odziena₃₄₁, Sāviena₄₂₈, Mētriena₄₂₉, Medņi₄₃₀ *tōvs* (*tēvs*) ($\bar{o} = \bar{a}$, \bar{o} , \bar{o}^a , ср. ДА: 20b), Sāviena₄₂₈, *bō^arnc*, *dō^ats* // *dā^als*; *tō^aς* // *tō^aς* // *tā^aς* (M. Poiša, LVI) а также и краткий o : *vocs*, ср. ДА: 20a (2-ая лабиализация, ср. § 2.6.4.3).

После этого селонские и западнолатгальские a^o/\bar{a}^o или в некоторых говорах на стадии чуть раньше, т. е. a/\bar{a} претерпели 3-ую верхнелатышскую перегласовку (см. § 2.9.2.3), которая происходила значительно позже, чем 1-ая и при других фонетических условиях (см. § 1.9.2.1). В позиции перед палатальными гласными здесь происходит перегласовка $a^o/\bar{a}^o > ä/\bar{ä}$ или после того как $a^o/\bar{a}^o > o/\bar{o}$, то эти новые o/\bar{o} переходят в o^e/\bar{o}^e , что зависит от говора (см. § 2.9.2.3.2). Неперегласованные же по 3-ей перегласовке a^o/\bar{a}^o или присутствуют сегодня в этой же форме в говорах или перешли в o/\bar{o} .

2.6.4.3. 2-ая Лабиализация

Данный процесс уже затрагивался выше. Ниже следует его детальное рассмотрение.

2.6.4.3.1. В селонских говорах, очевидно, произошла повторная лабиализация, не имеющая ничего общего с 1-ой лабиализацией (§ 2.6.3.3). Ср. примеры: *zoļš*, *goļa*, *skoņa* в: Liezēre₄₀₃, Lubeja₃₂₉, Mēdzūle₃₁₈, Gulbēre₃₁₈ (Hauzenberga 1934: 176-181). Данные o перед палатальным согласным вторичные, так как находятся в позиции действия 1-ой перегласовки и должны были бы дать здесь a . Здесь можно было бы возразить, что 1-ая перегласовка могла вовсе и не действовать в селонских говорах, однако против этого свидетельствует тот факт, что в некоторых селонских говорах распределение на a и o сохранилось (§ 2.9.2.1.2), а кроме того и сама архаичность 1-ой перегласовки. Далее, в говорах Odziena₃₄₁, Sāviena₄₂₈, Mētriena₄₂₉, Medņi₄₃₀, на месте пралатышского $*e/\bar{e}$ встречается и лабиализованный гласный o , o^a , \bar{a}/\bar{a} , \bar{o} , \bar{o}^a (ср. ДА: 20a и 20b), например: Sāviena₄₂₈, *bō^arnc*, *dō^ats* // *dā^als*; *tō^aς* // *tō^aς* // *tā^aς* (M. Poiša, LVI), а также и краткий o : *vocs*. Обобщая сказанное, мы делаем вывод, что переход $a/\bar{a} > o/\bar{o}$ здесь вторичный и далее его мы будем называть 2-ой лабиализацией. В позиции, где 3-ья палатальная перегласовка не действует, мы имеем следующее развитие:

Так например Nereta₃₆₅ (Endzel Patkule₄₁₅, Sarka Liezēre₄₀₃, Lubej яние 3 в: Odzie:

Несмотря на минологию a^o/\bar{a}^o был больше и л того, очевидно, $a > \bar{a}$ (ср. Zink этим говорам.

2.6.4.3.2. О том поздний, свиде (Mēdzūle₃₁₈), то уже сказано вы говорах после 3 ней, ср. *mō^eli* (и

2.7. $\bar{e} > \bar{a}$, $e >$

2.7.0. Исследу отметить, что с произошло еще работе не обсу: сматриваются к

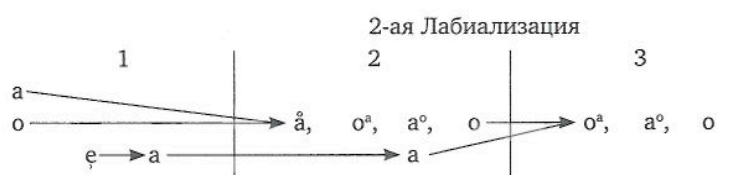
³³ Ср. примеры 1 (Kauliņ 1890: 323

³⁴ Несмотря на м перед непалатал промежуточное с восстанавливает нет оснований. Д том, что процесс происходил еще используемый в своих позициях. вследствие котор перегласовка, где (см. § 2.9.2.4).

где a/\bar{a} и a°/\bar{a}° (из далее они все по 2-ю по поводу того, что далее развивались в форме (т. е. a°, \bar{a}° днolatгальских говора подвергнуты 2-ой

ы: s (tēvs) ($\bar{o} = \bar{a}, \bar{o}, \bar{o}^\circ, t\acute{a} \acute{u}s$ (M. Poiša, LVI), ср. § 2.6.4.3).

некоторых говорах атышскую перегласку, чем 1-ая и при еред палатальными после того как a°/\bar{a}° вора (см. § 2.9.2.3.2). исутствуют сегодня

(\bar{a} - аналогично, с непринципиальными различиями)

Так например, состояние 1 мы еще имеем в говорах Dzelzava₄₀₉³³, Viesīte₃₆₁, Nereta₃₆₅ (Endzelīns 1951: 110) и в меньшей степени (т. е. ближе к 2) в Cesvaine₄₁₆, Patkule₄₁₅, Sarkaņi₄₁₄, Lazdona₄₁₉ (Elksnītis 1929: 128-129), состояние 2 в говорах Liezēre₄₀₃, Lubeja₃₂₉, Mēdzūle₃₁₈, Gulbēre₃₁₈ (Hauzenberga 1934: 178-179), состояние 3 в: Odziena₃₄₁, Sāviena₄₂₈, Mētriena₄₂₉, Medņi₄₃₀ (ср. ДА: 20b).

Несмотря на то, что район, где e/\bar{e} и a/\bar{a} совпали в $o/\bar{a}, \bar{o}, \bar{o}^\circ$ (по нашей терминологии a°/\bar{a}°), сравнительно небольшой, мы исходим из того, что ранее он был больше и лишь под действием литературного языка сократился, кроме того, очевидно, общий с литовскими говорами *kupiškėnai, anykštėnai*, в которых $a > \bar{a}$ (ср. Zinkevičius 1966: 447, карта N6), учитывая, что они примыкают к этим говорам.

2.6.4.3.2. О том, что 2-ая лабиализация в селонских говорах – процесс очень поздний, свидетельствуют следующие заимствования нашего времени: *rozē* (Mēdzūle₃₁₈), *mošīna* (Gulbēre₃₁₈) (Hauzenberga 1934: 178). Кроме того, как было уже сказано выше (§ 2.6.4.3.1) – 2-ая Лабиализация действовала в некоторых говорах после 3-ей перегласки, ср. *vocs – vēci*, в некоторых одновременно с ней, ср. *mōli* (из *mōls = māli – māls*) (Sāviena₄₂₈ (M. Poiša, LVI)).

2.7. $\bar{e} > \bar{a}, e > a$

2.7.0. Исследуя далее историю изменения гласных $*e, *e, *ē, *ē$, следует отметить, что сужение гласных пралат. $*e, *ē$ перед палатальными гласными произошло еще в пралатышскую эпоху³⁴, и потому эта перегласка в данной работе не обсуждается, а узкие праверхнелат. $*e, *ē$ и открытые $*e, *ē$ рассматриваются как фонемы, унаследованные из пралатышского.

³³ Ср. примеры 1-ой перегласки: *osaras – wakārj* однако долгие совпали: *toa – koajīnām* (Kauliņ 1890: 323-329).

³⁴ Несмотря на мнение Брейдака (1977: 30), для которого перегласка $*e > a, *ē > \bar{a}$ перед непалатальными – только верхнелатышский процесс, при этом, однако, принимая промежуточное состояние для верхнелатышского $*e > *e, *ē > *ē$. Это же состояние восстанавливается и для пралатышского. Таким образом, для предположения Брейдака нет оснований. Действительным остается утверждение Эндзелина (Endzelīns 1951: 108) о том, что процесс разложения $*e$ и $*ē$ на открытые аллофоны e и \bar{e} перед непалатальными происходил еще в пралатышском. В связи с этим и термин «позиционная перегласка», используемый Брейдаком, не может быть здесь использован, т. к. $*e > a$ и $*ē > \bar{a}$ во всех своих позициях. Уже гораздо позже действовала 3-ая перегласка в селонских говорах, вследствие которой a/\bar{a} ($< *e/\bar{e}$) снова расщепился на два аллофона (см. § 2.9.2.3) и 4-ая перегласка, где закрытые $*e/\bar{e}$ в некоторых латгальских говорах также расщепились (см. § 2.9.2.4).

его детальное рас-

вторная лабиализа- .6.3.3). Ср. примеры: (Hauzenberga 1934: чные, так как нахо- были бы дать здесь са могла вовсе и не видетельствует тот а и о сохранилось асовки. Далее, в го- пралатышского $*e/\bar{e}$ (ср. ДА: 20a и 20b), $\acute{u}s$ (M. Poiša, LVI), а вывод, что переход ьт 2-ой лабиализа- ействует, мы имеем

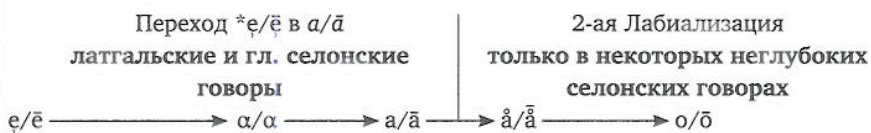
Формы селонских (и латгальских) говоров, например: *mads*, *tāvs* Брейдак (1981b: 90) сопоставляет с *madūs* «мед», *tāvas* «отец» на территории северо-восточной Литвы, например: *Apykščiāi*, *Kūpiškis*. Брейдак возводит это явление ко времени существования на этой территории Литвы селонских племен, а именно к первому – началу второго тысячелетия нашей эры. Как, однако, будет показано ниже (§ 3.3), это не совсем правильная формулировка.

2.7.1. Очевидно, что переход открытых праверхнелат. **ę/ĕ* в *a/ā* или даже в некоторых селонских говорах *ā, o/ā, ō* (см. ниже § 1.7.2), происходил поэтапно, и различные стадии данного перехода сохранились в разных говорах. Так, например, в *Sausnēja*₃₃₅ более архаичная ступень – веляризованные *ę/ĕ* (Kauliņš 1933: 11).

2.7.2. В некоторых неглубоких селонских говорах, например: *Odziēna*₃₄₁, *Sāviēna*₄₂₈, *Mētriēna*₄₂₉, *Medņi*₄₃₀, которые между собой составляют общую географическую группу, наряду с *ā* (а в *Medņi*₄₃₀ и даже *ĕ*) на месте прала-тышского **ę* встречается и лабиализованный гласный *ā̃, ō, ō^a* (ср. ДА: 20b). Учитывая, что речь здесь не идет о дополнительной дистрибуции, а признак лабиализованности присутствует или отсутствует в одной и той же позиции, можно сделать вывод, что данная лабиализованность (2-ая лабиализация, ср. § 2.6.4.3) является, скорее всего, исконной по отношению к *ĕ* и *ā*, являющимся результатом ретроградного развития под влиянием литературного языка, т. е. *ā̃, ō, ō^a > ā (> ĕ)*³⁵ или обобщением по аналогии (в случае с *ĕ*) результатов 3-ей перегласовки. На возможное влияние соседних говоров указывает географическое расположение данных говоров на границе районов с *ĕ* и *ā*. Особенно это становится понятно при рассмотрении говора *Medņi*₄₃₀, где лабиализованный *ā̃, ō, ō^a* был отмечен наряду с основным *ĕ*, поскольку понятно, что гласный *ā̃, ō, ō^a* не мог развиваться непосредственно из него, а должен был проходить стадию *ā*, которого в этом говоре нет, т. е. отсутствует необходимое звено.

Таким образом, после перехода *ĕ > ā, ĕ > a*, новое *a/ā* в некоторых неглубоких селонских говорах было далее лабиализовано (§ 2.6.4.3) вместе со старым, оставшимся после 1-ой перегласовки. Оба эти звука в этих говорах совпали, ср. *goļa* (латг. *gaļa*) и *vocs* (среднелат. *vecs*).

Подводя итог, приводим схему развития. Все ниже указанные стадии засвидетельствованы в селонских говорах в зависимости от архаичности/ неархаичности конкретного говора, а также его географического расположения:

2.7.3. Для относительной датировки мы можем сказать, что процесс перехода праверхнелат. **ę* и **ĕ* в селоно-латг. *a, ā* завершился после действия 1-ой

³⁵ Ряд других примеров ретроградного развития под влиянием литературного языка отмечаются в Брейдак (1989).

перегласовки, так и кроме того по той же причине звук сохранился, т. е. в латгальских но не в селонских 1-ой перегласовки, аллофонами *a* и *ā*, контексте 1-ой перегласовки, факт, что 1-ая перегласовка в языковом ареале, м. б. в новых *a* и *ā* (из прала-тышского **ę/ĕ* из праверхнелат. **ę/ĕ* явление довольно распространено).
2.7.4. Что касается прала-тышского **ę/ĕ* из памятников (Брейдак 1977: 30).

2.8. *ĕ > (> ia) > ĕ*

2.8.1. Рефлексы данного явления пределились следующим образом: на юго-западе от Ареала также в селонских говорах имеем оба варианта объяснением здесь **ę/ĕ* перешли в палатализирующий прелат. по мере депалатализации Селонии), *'a/ia > 'e,* одновременно присоединилась перегласовкой процесса преломления пользу развития **ę/ĕ* веские аргументы, а *Viļāni*₄₂₇ *gūojā*, где веляризация согласных. В некоторых говорах *ĕ* (Endzelīns 1951: 10).
2.8.2. В окончаниях шел переход краткой *e > ia (ä)*, где *ia* –

³⁶ Брейдак называет это

mads, tàvs Брейдак
 ерритории северо-
 зводит это явление
 лонских племен, а
 . Как, однако, будет
 ровка.

’ē в *a/ā* или даже в
 роисходил поэтап-
 в разных говорах.
 еляризованные *ē/ē*

пример: *Odziēna*₃₄₁,
 :оставляют общую
 ē) на месте прала-
 ō, ō^a (ср. ДА: 20b).
 ибуции, а признак
 і и той же позиции,
 а лабиализация, ср.
 : ē и ā, являющимся
 турного языка, т. е.
 ē) результатов 3-ей
 казывает географи-
 : ē и ā. Особенно это
 е лабиализованный
 ю, что гласный ā, ō,
 і проходить стадию
 лое звено.

ā в некоторых не-
 (§ 2.6.4.3) вместе со
 зука в этих говорах

нные стадии засви-
 хаичности/ неарха-
 о расположения:

лизация
 ых неглубоких
 говорах
 /ō

что процесс перехо-
 после действия 1-ой

атурного языка

перегласовки, так как его результат (*a/ā*) не был охвачен 1-ой перегласовкой, кроме того по той причине, что в некоторых неглубоких селонских говорах этот звук сохранился, т. е. здесь: *ē/ē* или *a/ā*. Кроме того, его результат только в латгальских но не в селонских говорах совпал с *a/ā* из палатального контекста 1-ой перегласовки, в селонских же говорах этого совпадения фонем **ē* и **ē* с аллофонами *a* и *ā*, получившимися из праверхнелат. **a* и **ā* в палатальном контексте 1-ой перегласовки не произошло (далее в § 2.9.2.1.3). Учитывая тот факт, что 1-ая перегласовка происходила еще в общем, праверхнелатышском языковом ареале, можно предположить, что совпадение в латгальских говорах новых *a* и *ā* (из праверхнелат. **ē* и **ē*) с аллофонами *a* и *ā*, получившимися из праверхнелат. **a* и **ā* в палатальном контексте 1-ой перегласовки, есть явление довольно позднее и не связанное с самой перегласовкой.

2.7.4. Что касается абсолютной датировки, то здесь можно привести приме-ры из памятников XIII и XIV вв. *Gulbana* (< *Gulbene*), *Barsono* (ср. лат. *bērzs*) (Брейдак 1977: 30).

2.8. ē > (> ia) > ē / ie, ē > ⁽¹⁾e

2.8.1. Рефлексы долгого и короткого закрытых праверхнелат. **ē* и **ē* рас-пределились следующим образом: на севере Латгалии до уровня *Baltinava*₄₇₈ включительно мы имеем **ē* > *ie*, **ē* > *ie* > *ē* во всех позициях; **ē/ē* > *ē/ē* на юго-западе от *Atašiene*₄₃₂ и на самом юге вокруг *Даугавпилса*, *Višķi*₄₅₁, а также в селонских говорах (например, *Sausnēja*₃₃₅). В центре же Латгалии мы имеем оба варианта, и **ē* > *ie*, **ē* > *ē* и **ē* > *ē*, **ē* > *ē*. Наиболее вероятным объяснением здесь нам представляется следующее. Изначально все узкие **ē/ē* перешли в палатализирующие ‘*ē/ē*’ или ‘*a/ia*’, то есть процесс, очень напоминающий преломление (*Brechung*), например, в норвежском. Затем же, по мере депалатализации согласных на юге, юго-западе а также на западе (в Селонии), ‘*a/ia*’ > ‘*ē/ie*’ перешли в *ē/ē*. Ситуация в центральной Латгалии, где одновременно присутствуют и *ē/ie* и *ē, ia, ā/ē, iā, ā*, регулируется 4-ой Латгальской перегласовкой (см. ниже § 2.9.2.4). В севернolatгальских говорах, видимо, процесса преломления не было, здесь только *ie*, или же здесь ‘*ē/ie*’ > *ē/ie*. В пользу развития **ē/ē* > ‘*a/ia*’ > ‘*ē/ie*’ > *ē/ē* Брейдак³⁶ (1989: 203–4) приводит веские аргументы, а именно: *Nautrēni*₄₈₀ *galā* < *gaļa*, *valē* < *vaļa*, *gūojē* < *gāja*, *Viļāni*₄₂₇ *gūojā*, где видно, что ‘*a*’ > ‘*ē*’. Последний этап был связан с депалатализацией согласных, которые сохранились лишь в центрально-восточной части глубоких латгальских говоров (ср. Брейдак 1994: 156 и 163).

В некоторых говорах узкие **ē* только в определенных позициях перешли в *ē* (Endzelins 1951: 109).

2.8.2. В окончаниях, практически, во всех верхнелатышских говорах произо-шел переход короткого **ē/ē* > ‘*ē/ē*’ (Endzelins 1951: 104–105), а в некоторых в > *ia* (*ā*), где *ia* – просто палатализирующий *a*, например: *žjamja*, *mūot’a* из

³⁶ Брейдак называет этот процесс перегласовкой.

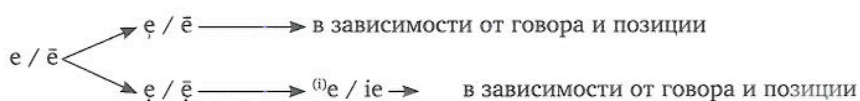
Cibla₄₈₈ (Āboliņa 1926: 32–33). Как указывает Брейдак (1989: 205), гласные 'e/'ē в севернолатгальских говорах возникли из ā/ā ('a/ia); т. к. и исконные ā/ā ('a/ia) здесь перешли в 'e/'ē, ср. gal'e, kūojē Nautrēni₄₈₀, Šķilbēni₄₈₄.

Большинство случаев, где также и в суффиксальных слогах некоторых отдельных говоров (Endzelīns 1951: 103) имеет место переход закрытого краткого e > 'a (> e или > a), объясняются 4-ой перегласовкой (§ 2.9.2.4).

2.9. Комбинаторные фонетические переходы. Перегласовка

2.9.0.1. Пралатышская перегласовка *e > e перед палатальными согласными и *e > e в остальных случаях

В верхнелатышском диалекте перегласовка пралат. *e и *ē выглядит следующим образом:

Очевидно, что и в праверхнелатышском была промежуточная ступень *e, *ē / *e, *ē. Таким образом, данная перегласовка происходила одинаково и по тем же принципам, что и в остальных пралатышских диалектах, а следовательно, еще в истории пралатышского, когда был полный обмен инновациями среди его всех составных частей.

2.9.0.2. Здесь очень важно отметить следующее недоразумение. Эндзелин (Endzelīns 1951: 96–97) отмечает, что в пом. pl. о-склонения, а также в dat. pl. наблюдается пралатышская перегласовка корня, так как следует палатальный гласный. Как нам кажется, это не совсем правильно:

– во-первых, окончания пом. pl. о-склонения, а также в dat. pl. не создают один и тот же фонетический контекст, поскольку окончание пом. pl. восходит к пралат. *-ai (ср. лит. *nam-ai*)³⁷, а окончание dat. pl. восходит к дифтонгу пралат. *-ie (ср. лит. *vis-ie-ms*). Дело в том, что -i из первого дифтонга пралатышскую и 1-ую верхнелатышскую перегласовки не вызывает, поскольку, видимо, не смягчал предыдущего согласного, ср. сам Endzelīns (1951: 111), однако *-ie должен был обе эти перегласовки вызывать.

– во-вторых, приведенные самим же Эндзелином (Endzelīns 1951: 96–97) говоры Skaista₅₀₇, Daudzese₃₅₁, Krāslava₅₀₆, а также и Auleja₅₀₂ имеют правильное

³⁷ Endzelīns (1951: 401) неправ, утверждая, что латышское склонение существительных основывается полностью на склонении прилагательных, т. е. местоименном. Например, в loc. sg. присутствует и у прилагательных и у существительных окончание склонения существительных а не местоименное. Здесь правильной было бы говорить о дательном падеже, который и в единственном числе, и во множественном был перенят из местоименного склонения. Таким образом, нельзя утверждать (там же), что в пом. pl. лат. -i соответствует литовскому -i у прилагательных.

распределение, ср. *lāt'im malym* (Alk. nom. pl. -i (< *-ai) тельных, соответствует

1.9.0.3. Примеры чередуется с a/ā в чередованиях восхительные + E, Š *e/гласный, Š – палатальные. Так, например *veselība* (*vasals*) (Br

2.9.2. ВЕРХНЕЛАТ

2.9.2.0. Гармония того диалекта и о субстрата, где, например, в др. языках позиции

Брейдак (1977: истории верхнелат. Однако, как показывает (например, до перемены не имеем полного это и объяснял Брейдак Легко себе представить, она была усвоены формы основы перенятый гласный из могли оказать влияние и пр. В пользу имеем стороны, при перемене не имеет больше replacing форма

2.9.2.1. 1-ая Верхнелат

2.9.2.1.1. Перегласовка j, č, dž, š, ž, ģ, ņ, а т. в следующем слоге тому времени уже

³⁸ Интересно, что пралат. тальной перегласовки палатализующим пока

989: 205), гласные
i); т. к. и исконные
Šķilbēni⁴⁸⁴
тах некоторых отде-
закрытого краткого
§ 2.9.2.4).

асовка

огласными

и *ē выглядит сле-

и

зора и позиции

очная ступень *e, *ē
и одинаково и по тем
ах, а следовательно,
инновациями среди

изумение. Эндзелин
ия, а также в dat. pl.
ледует палатальный

в dat. pl. не создают
ие nom. pl. восходит к
т к дифтонгу пралат.
онга пралатышскую
сколько, видимо, не
51: 111), однако *-ie

dzēlīns 1951: 96–97)
02 имеют правильное

ие существительных осно-
ном. Например, в loc. sg.
клонения существитель-
льном падеже, который
именного склонения.
ответствует литовскому

распределение, ср. *ļiet'i mal'i* (lēti meli) но *lātu malu* (однако в dat. pl. обобщено *lāt'im malym*) (Alksnis 1932: 28). Т. е. здесь еще сохранилась разница между nom. pl. -i (< *-ai) склонения существительных и nom. pl. -i (< *-ie) прилагательных, соответствующая таковой в литовском языке³⁸.

1.9.0.3. Примеры, где в глубоких латгальских говорах e/ē и их производные чередуется с a/ā не могут быть объяснены на верхнелатышской почве, данные чередования восходят к пралатышской перегласовке *e/ē > e/ē и их производные + E, Š *e/ē > a/ā и их производные + A, где E – любой палатальный гласный, Š – палатализованный согласный, кроме c, dz, а A – остальные гласные. Так, например, в Alūksne⁴⁶⁵ *ezeriņš, viederiņš (vādārs), vedekliņa (vadakla), veselība (vasals)* (Brencis 1914: 115).

2.9.2. ВЕРХНЕЛАТЫШСКИЕ ПЕРЕГЛАСОВКИ

2.9.2.0. Гармония гласных играет большую роль в фонетике верхнелатышского диалекта и объясняется результатом действия прибалтийско-финского субстрата, где, например, в южно-эстонском диалекте, водском, ижорском и др. языках позиционная перегласовка регулярна (Брейдак 1977: 30, 318).

Брейдак (1977: 31) считает, что регулярной палатальной перегласовки в истории верхнелатышского диалекта не было, а имеется лишь спорадическая. Однако, как показывают примеры, эта перегласовка происходила в древности (например, до перехода *ā/ā̆ > ō > uo), т. е. вполне закономерно, что сегодня мы не имеем полной регулярности, а лишь остатки перегласовки. Именно так это и объяснял Брейдак в одной своей более ранней работе (Breidaks 1974: 129). Легко себе представить, что в случаях, где отсутствуют результаты перегласовки, она была устранена под давлением аналогии, т. е. в перегласованные формы основы перед палатальными окончаниями был введен неперегласованный гласный из форм основы перед непалатальными окончаниями. Также могли оказать влияние однокоренные слова с непалатальными суффиксами и пр. В пользу именно такого объяснения свидетельствует то, что, с одной стороны, при перегласовке сохранились пралат. *ā и *a, с другой стороны, она не имеет больше регулярного характера, а перегласованные формы все больше заменяются формами по аналогии, см. примеры в Brencis (1914: 117).

2.9.2.1. 1-ая Верхнелатышская Перегласовка

2.9.2.1.1. Перегласовка происходила перед палатальными согласными k, ģ, j, č, dž, š, ž, l, ņ, а также перед палатализованными согласными, т. е., если в следующем слоге стоял палатальный гласный и ему не предшествовали к тому времени уже депалатализованные c, dz. Гласный i, соответствующий у

³⁸ Интересно, что практически в том же самом районе и наречия на *-ai поддаются палатальной перегласовке (Endzelīns 1951: 97), т. е. скорее всего здесь действовала аналогия с палатализирующим показателем наречия *-jai > *-ī.

других говоров, перегласовку не вызывает (Endzelīns 1951: 110–111). Однако, возможно, что здесь прав Брейдак (1989: 156), который указывает на то, что *j* сам по себе не вызывал перегласовку – к сожалению он приводит мало примеров для полного доказательства, например: *vojūot'* (ср. *vajāt*). Еще Ancītis (1977: 56) указал на этот факт в *Aknīste*₃₆₈: *vojoat* но *kļēis* < **klajis*, где за *-j-* следовал палатальный гласный.

Как было уже сказано выше (§ 2.9.2.0), данная перегласовка происходила относительно давно. Такой вывод мы делаем из следующих соображений:

– до начала данной перегласовки в глубоких латгальских говорах на месте сегодняшних *o*, *uo* еще были пралат. **a*, **ā*;

– во время перегласовки еще существовал в абсолютном конце слова дифтонг **-ai* (ср., например, лит. *sakaī*), так как этот дифтонг палатализацию не вызывал, ср. *soki* = лит. *sakaī* (Endzelīns 1951: 111);

– мы не имеем дело с живым (или автоматическим) процессом, более того, в большей части случаев результаты действия перегласовки были устранены под действием аналогии.

Это дает нам право утверждать, что в данном случае мы имеем дело с остатками былого процесса, а не спорадического, нерегулярного.

2.9.2.1.2. Важно отметить, что также в селонских и западнолатгальских говорах действовала 1-ая перегласовка, несмотря на то, что здесь часто встречается «необоснованный» с точки зрения 1-ой перегласовки *o*, ср. *zoļa*, *goļa* (Dzelzava₄₀₉, Elksnītis 1929: 126). Однако, учитывая древность процесса 1-ой перегласовки (аргументы в § 2.9.2.1.1), а также тот факт, что в некоторых селонских говорах определяющееся 1-ой перегласовкой распределение *a* и *o* (*ā* и *ā/ō* в меньшей степени) сохранилось, например в *Dzelzava*₄₀₉, *Viesīte*₃₆₁, *Nereta*₃₆₅ (Endzelīns 1951: 110), и в меньшей степени в *Cesvaine*₄₁₆, *Patkule*₄₁₅, *Sarkaņi*₄₁₄, *Lazdona*₄₁₉ (Elksnītis 1929: 128–9).

Позже в селонских говорах результаты 1-ой перегласовки были подвергнуты 3-ей перегласовке (см. ниже § 2.9.2.3), т. е. получившиеся *a* и *ā* были перегласованы в позиции перед палатальным гласным в *a^e*, *ā^e*, *e* и *o^e*, *ā^e*, *a^e* соответственно (оба звука часто обозначаются как *e*, часто имеет место переход в *e*), долгие корреляты *ā* и *ō* аналогично. Таким образом, древний праверхнелат. **a* (/ā) в наиболее архаичных селонских говорах представлен тройко. В большинстве неглубоких селонских говоров, однако, результаты 1-ой перегласовки были нивелированы и чередования типа *ā^e* + *E*, *ā* + *A* – это новые чередования, вызванные 3-ей перегласовкой. Поэтому неправильно утверждение Эндзелина (Endzelīns 1951: 126), что 1-ая перегласовка хорошо сохранилась в *Sausnēja*₃₃₅, *mā^ete* (контекст, вызывающий 1-ую и 3-ью), однако, ср. контекст только 1-ой в случаях: *mājiņa*, *kājiņa*, *vaļīgs*, *paži*, *aši* (Kauliņš 1933: 14–15), а не ***mā^ejiņa* ***kā^ejiņa*, ***veļīgs*, ***neži*, которые бы дала 3-ья перегласовка.

³⁹ Ср. примеры 1-ой перегласовки: *osaras* – *wakārij* однако долгие совпали: *toa* – *koajiņāt* (Kauliņš 1890: 323–329).

2.9.2.1.3. Эндзелин в положении Беци что **a*/*ā* после **e*/*ē*, и затем праверхнелат. **a*/*ā* после палатальных, где процесс в некоторых говорах не совпали, а результаты перегласовки **e* (Endzelīns 1933: 13); *vacs* (Lubeja₃₂₉, *Mēdzū* (Zariņš 1931: 12 типа *vaker*, *taged* 3-ей перегласовки).

2.9.2.1.4. Следуя 1-ая перегласовка *Kalupe*₄₄₅: *viņožeit* **ā*⁴⁰ стоит перед заимствованиями *d* совки, так как из заимствования *d* перехода здесь и которое объясняет перегласовка изнач Корневой *ā* наши Таким образом, с другом и прои во времени. На и который часто в и с типологической характера 1-ой п палатальном ко

2.9.2.1.5. При да в **a^e*/*ā^e* (перед па (§ 2.6.4.1):

⁴⁰ Здесь важно замечать языков исконно под

: 110–111). Однако, казывает на то, что приводит мало при-
vajāt). Еще Ancītis < *klajis, где за -j-

совка происходила их соображений: их говорах на месте

м конце слова диф-палатализацию не

цессом, более того, ки были устраниены

ы имеем дело с ос-рного.

паднолатгальских о, что здесь часто ласовки о, ср. *zoļa*, древность процесса кт, что в некоторых аспределение а и о :lzava⁴⁰⁹, Viesīte³⁶¹, svaine⁴¹⁶, Patkule⁴¹⁵

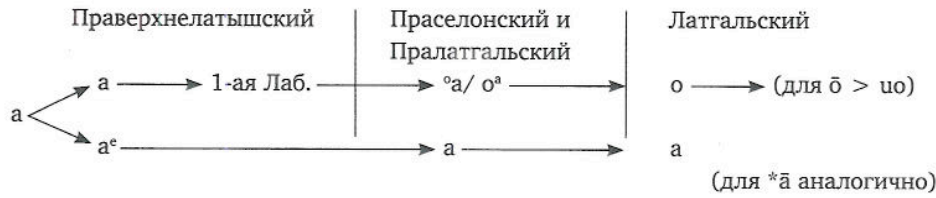
вки были подверг-вшиеся а и ā были з а^е, ā, е и о^е, ā^е, а^е асто имеет место образом, древний ворах представлен з, **однако, резуль-вания типа ā^е + Е, асовкой.** Поэтому), что 1-ая перегла-ызывающий 1-ую и , *kājiņa, vaļiņš, paži, **neži*, которые бы

2.9.2.1.3. Эндзелин (Endzelins 1951: 126), основываясь на аналогичном пред-положении Беценбергера (Bezenberger 1885: 86), высказал предположение, что *a/*ā после 1-ой палатальной перегласовки совпало с пралатышскими *e/*ē, и затем вместе с ним перешло обратно в a/ā уже после того, как праверхнелат. *a/*ā в остальных позициях лабиализировалось. Это, хотя и интересное предположение, при проверке материала оказывается ложным. Следующий факт снимает возможность такой интерпретации материала в пользу того, что a/ā (< *e/*ē) совпало со «старым» a/ā (из праверхнелат. *a/*ā после палатальной перегласовки). Дело в том, что в селонских гово-рах, где процесс 1-ой перегласовки также имел место (см. выше, § 2.9.2.1.2), в некоторых говорах праверхнелат. *e/*ē и *a/ā в определенных позициях не совпали, а различаются и по сей день, например: в Sausnēja³³⁵ после 3-ей перегласовки *e + E > α, *a + E > ā, долгие *ē и *ā аналогично (Kauliņš 1933: 13); *vacs* (< *vęcs*) но *zoļš, goļa, skoņa* (< *zaļš, gaļa, skaņa*) в: Liezēre⁴⁰³, Lubeja³²⁹, Mēdzūle³¹⁸, Gulbēre³¹⁸ (Hauzenberga 1934: 176–181), Ogre³²⁵, Ērgli³²⁶ (Zariņš 1931: 12–13). Упомянутые Эндзелином (Endzelins 1951: 117) формы типа *vakeņ, taged* из Prauliena⁴²⁰, Dzelzava⁴⁰⁹ являются регулярными рефлексами 3-ей перегласовки (§ 2.9.2.3).

2.9.2.1.4. Следующие примеры показывают, что во время их заимствования 1-ая перегласовка уже не действовала: Lubana⁴¹⁷ *zūdžs* (Braidak 1977: 32), Kalupe⁴⁴⁵: *vūožēt* (< *vāžīt*) (Reķēna 1962: 26). В обоих указанных примерах *ā⁴⁰ стоит перед палатальными согласными и гласными. Очевидно, что эти заимствования должны были быть позже, чем время действия 1-ой перегла-совки, так как иначе бы мы бы имели на месте -uo- долгий *ā. Однако эти же заимствования должны были попасть в древние верхнелатышские говоры до перехода здесь пралат. *ā > uo. Таким образом, единственное объяснение, которое объясняло бы такую ситуацию, было бы предположение, что 1-ая пе-регласовка изначально в непалатальном окружении дала звук, близкий к ā. Корневой ā наших заимствований совпал с этим звуком и перешел с ним в uo. Таким образом, **1-ая перегласовка и 1-ая лабиализация не связаны друг с другом и процессы, возможно, значительно отстоящие друг от друга во времени.** На наш взгляд, это довольно важный хронологический момент, который часто в исследованиях не соблюдается. Кроме того, он подтверждает с типологической точки зрения правильность реконструкции фонетического характера 1-ой перегласовки как именно **палатальной перегласовки при палатальном контексте**, а не лабиализации в непалатальном контексте.

2.9.2.1.5. При данной перегласовке все древние *a и *ā были перегласованы в *a^е/ā^е (перед палат., ср. выше § 2.9.2.1.4) и *a,ā/ā,ā (в остальных позициях) (§ 2.6.4.1):

⁴⁰ Здесь важно заметить, что по крайней мере, в заимствованиях из русского / белорусского языков исконно подударный гласный отображается в латышском долготой.

Как уже описывалось выше (§ 2.6.4.1), 1-ая перегласовка должна была предшествовать 1-ой лабиализации аллофона *a/ā > o/ō > o/uo, 3-ей перегласовке (§ 2.9.2.3), а также 2-ой перегласовке (§ 2.9.2.2).

2.9.2.1.6. 1-АЯ ПЕРЕГЛАСОВКА В БЕЗУДАРНЫХ СЛОГАХ

При 1-ой перегласовке, очевидно, перегласовывались и средние слоги основы многосложных слов, которые в свою очередь также вызывали перегласовку предыдущих слогов, ср. *gobals*, но *gabaliņš* Alūksne⁴⁶⁵, Arukals^{385, 384, 386, 387}, Gulbene или *gobols*, но *gabal'eņč*, *vosora*, но *vasareņa* (например, Kaldabruņa) (Endzelīns 1951: 117).

2.9.2.2. 2-ая Верхнелатышская перегласовка. Гласный *i

2.9.2.2.1. Перегласовка происходила перед палатальными гласными или согласными *k, ģ, j, č, dž, š, ž, l, ņ*. Гласный *i*, соответствующий *y* в говорах с регулярным распределением *y* и *i*, перегласовку не вызывает (Endzelīns 1951: 110–111).

2.9.2.2.2. Следует отметить, что сам звук *y* постепенно исчезает. Так, в некоторых селонских говорах, а также западно- и северно-латгальских этот звук прошел ретроградное развитие *y > ū > i*, ср. ДА: 42, так, например, в *Lubāna*⁴¹⁷ *i* от *y* почти не отличается (Zirņītis 1937: 116).

2.9.2.2.3. В некоторых говорах, например, в *Līvāni*⁴³⁶ в конце слова в любом окружении, а в большинстве других говоров только после *k, g*, может быть только *-i* (Endzelīns 1951: 130).⁴¹ Однако, как показывают следующие примеры, где корневой гласный *y*, некогда и в этих позициях был *y*, например: *vylki*, *zurgī*.

2.9.2.2.4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ *y*

2.9.2.2.4.1. Древний *y*

Для того, чтобы правильно понять условия и время действия 2-ой перегласовки, мы должны сначала рассмотреть условия возникновения звука *y* в конце слова, где его появление не могло быть вызвано перегласовкой.

⁴¹ В современном русском после *k, g* также возможны только *и* (Endzelīns, там же).

Первый вопрос, что *-y* во *-i* – из **-ie*? Или палатальности /вовавшее еще пр синхронно такое *рупу, sytu*, где **-i* ложить, что все-из того факта, ч не замещаются *y* – асс. sg. е-скл – асс. sg. место – *-i* в суффиксах тализация предь *akmiņc, yūdiņc* В

При такой пер **-i* > *-i*, а **-i* > странился по ан регласовке уже палатальную пер **-i* перешли в *-i*, примеров служи склонения опред *-iai*. Однако след (*lēti meli*) но *lātu* 28). Здесь обобщ видно, что в слу же аналогия наб **-ji* < **-jai* и *-i* и:

Итак, *-y* в конце нако вследствие распространени действия 1-ой пе

2.9.2.2.4.2. Вторичный

Здесь важно от *-yi-* в середине с тализованных *š, ž, rīkys* (*rokas*), и в гораздо более по

атгальский

→ (для $\bar{o} > uo$)

(для * \bar{a} аналогично)

а должна была пред-
ло, 3-ей перегласовке

редние слоги основы
ли перегласовку пре-
S_{385, 384, 386, 387} Gulbene
aldabruņa) (Endzelins

ыми гласными или
лющий у в говорах с
вает (Endzelins 1951:

исчезает. Так, в неко-
атгальских этот звук
например, в Lubāna₄₁₇

онце слова в любом
сле k, g, может быть
ледующие примеры,
л у, например: *vylki*,

йствия 2-ой перегла-
вения звука у в конце
перегласовкой.

zelins, там же).

Первый вопрос, который возникает в этой связи – возможно ли предположение, что -у возник в конце слова из древнего *-ai, тогда как его коррелят -i – из *-ie? Или другими словами, было ли сохранено древнее различие в палатальности / непалатальности предыдущего согласного или нет, существовавшее еще при 1-ой перегласовке? Несмотря на то, что, по крайней мере, синхронно такое различие не наблюдается, ср. *gony* (gani), *rody* (radi), где *-ai, *rupu*, *sytu*, где *-i (ср. лит. *pini*) Pilda₄₉₂ (Endzelins 1951: 130), следует предположить, что все-таки изначально такое различие было. Такой вывод следует из того факта, что некоторые -i из *-ie и -i- из *-i- (в закрытом слог) никогда не замещаются у, а именно:

– асс. sg. е-склонения: *mūt'ī* (māti) Pilda₄₉₂,

– асс. sg. местоимения 1-го и 2-го лица: *maņi*, *t'ēvi* Pilda₄₉₂,

– -i в суффиксах -*elis*, -*inš* (-inis), где сам -i- исчез, однако сохранилась палатализация предыдущего согласного, ср. *smird'el's* Pilda₄₉₂ (Alksnis 1932: 34–36), *akmiņc*, *yūdiņc* Baltinava₄₇₈ (Vitole 1931: 132).

При такой регулярности мы вынуждены принять, что изначально только *-i > -i, а *-i > у. Проблема состоит только в том, что, (*-i >) -i распространился по аналогии за счет (*-i >) -у в такой степени, что при 3-ей перегласовке уже любой -i – палатальный и палатализирующий, т. е. вызывает палатальную перегласовку, при том, что при 1-ой перегласовке еще не все *-i перешли в -i, ср. *soki* = лит. *sakaī* (Endzelins 1951: 111). Одним из ярких примеров служит распространение окончания -i в ном. pl. в о-склонении из склонения определенных прилагательных и из -ijo-склонения, ср. лит. -ie и -iai. Однако следы былого различия еще сохранились в *Auleja*₅₀₂, ср. *lēt'i mal'i* (lēti meli) но *lātu malu* (однако в dat. pl. обобщено *lāt'im malym*) (Alksnis 1932: 28). Здесь обобщено уже окончание -i однако по пралатышской перегласовке видно, что в случае *mal'i* мы имеем (имели) непалатальный контекст. Такая же аналогия наблюдается среди наречий, где конкурируют окончания -i < *-ji < *-jai и -i из *-ai.

Итак, -у в конце слова возник фонетически из непалатализирующего *-i, однако вследствие аналогии изначальное распределение утерялось. При этом распространение аналогического -i началось уже, скорее всего, во время действия 1-ой перегласовки.

2.9.2.2.4.2. Вторичный / новый у

Здесь важно отметить, что у появляется в конце слова, а также в сочетании -у- в середине слова в новых для него контекстах, а именно: после депалатализованных *š*, *ž*, *č*, *dž* (§ 3.1), а также в ном./ асс. pl. ā-склонения, например, *rūkys* (rokas), и в некоторых других случаях. Понятно, что здесь появление у гораздо более позднее, чем обсуждаемое в этой главе.

2.9.2.2.5. ВОПРОС ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИЯ 2-ОЙ ПЕРЕГЛАСОВКИ И ПОЗИЦИЯ ЭНДЗЕЛИНА

Учитывая тот факт, что гласный *i*, соответствующий у других говоров, перегласовку не вызывает (Endzelīns 1951: 110–111), мы вынуждены предположить, что перегласовка праверхнелат. **i* > *u* и **i* > *i* предшествовала 1-ой перегласовке. Аналогичное суждение было уже высказано в Ancītis (1977: 65). Однако данное предположение несет в себе некоторые трудности:

1) таким образом мы вынуждены принять, что данная перегласовка самая древняя, даже древней, чем пралатышская перегласовка **e*/**ē* > **e*/**ē* / **e*/**ē*. Из этого бы следовало, что некогда и в остальных латышских диалектах существовала альтернатива *i*/*u*. Однако появление звука *u* в латышских и литовских говорах нам кажется все-таки более поздним явлением.

2) Мы вынуждены далее признать, что данная перегласовка действует с этих древних времен и по сегодняшний день, поскольку в говорах, в фонетической системе которых присутствует звук *u*, звуки *i* и *u* распределяются строго закономерно и, в новых условиях, также согласно правилам действия данной перегласовки. Например: Aknīste₃₆₈: *cūlvāks* перед -*a*- из **e*, *minūti* (минута). В этих говорах данному распределению также подчиняются рефлексы долгого **ū* > *ui* и *iū*, в зависимости от последующего гласного, ср. ДА: карты 48 и 43,44.

При такой ситуации стоит еще раз проверить упомянутые Эндзелином (см. выше) случаи, где получившийся из данной перегласовки *u* не дает палатальной перегласовки при пралатышской перегласовке и при 1-ой верхнелатышской перегласовке. Древний пралат. **i* в среднем слоге перед пралат. непалатальным гласным имеется только в немногих суффиксах, а именно: глагольный суффикс -*ināt* и именной суффикс -*ins* (-*ync*). При этом ситуация с суффиксом -*ināt*, следующим за основами с прабалт. **a*/*ā*, довольно сложная. Во многих случаях данный *u* вызывает палатальную перегласовку, ср. например: *baļunuot* «белить, отбеливать» (и *balts*) вместо ***bolynuot*, *klabuņot* «стучать» Kalupe₄₄₅, Višķi₄₅₁, *zaduņot* «приветствовать» Varakļāni (Брейдак 1989: 159). Полностью противопоставлена этому ситуация в Aknīste₃₆₈ (Ancītis 1977: 65), где суффикс -*ynoāt* вызывает велярную перегласовку **e* > **e*, ср. *vādynoāt* (*veđināt*), но не вызывает перегласовки **a* > **a* > **ā* > *o*, ср. *baļynoāt*. Возможно, в случае с *baļynoāt* играла роль аналогия в вокализме корня: -*a*- + -*ynoāt*, *vādynoāt* же по огласовке корня соответствует лит. *vadinti*, т. е. здесь действовала 1-ая перегласовка. Колебания здесь могут быть вызваны аблаутом, как в случае с *vādynoāt*, а также аналогией. Эндзелин (Endzelīns 1951: 117) указывает на еще одну возможность аналогии формы на лат. -*it*, лит. -*inti*, которые также могли повлиять на корневой гласный, например *dedzīt* и *dedzināt*.

Немногочисленные примеры имен с суффиксом -*ync*/ -*yns* все, так или иначе, показывают, что здесь пралатышская и 1-ая верхнелатышская перегласовки вызывают веляризацию корневого гласного, т. е. при пралатышской перегласовке **e* > **e*, а при 1-ой верхнелатышской перегласовке мы имеем **a* > *o* **ā*

> *ō* > *uo*: *sorkins*
sapync < *sapnis*,
1977: 65).

Кроме этого еще праверхнелат. **e* формам не являясь поздно и по тем > > (вторично) > тальности/ непа и лит. *dešimtis*, *dc* примера предпол с пралатышской |

Итак, подведе смешанные данн суффикс -*ync*/ -*yn* и пралатышской п ложению Эндзели

При проверке э лельно суффикса теми же самыми | мы встречаем фо| (Endzelīns 1951: 3| В особенности сре хнелатышскому (э -*ync*/ -*yns* соответ того, даже для фс параллельная фор здесь идти речь о ф -*ins*, трудно сказати естественным пере *akmin'š*, *rudin'š* но п Т. е. возможно, что -*e*- перешел в -*i*-, а | формах -*i*- должен (sg. *akmeņš*, *rudeņš*. | глаголы на -*inti* и -| на наш взгляд, пр| ской перегласовка возникло здесь из месте праверхнела

⁴² Примеры взяты то Endzelīns (1951: 309) 2-ой лабилизацией, перегласовки.

ки и позиция

у других говоров, вынуждены предпочесть 1-ой в Ancītis (1977: 65). Идентичности:

перегласовка самая частая *e/*ē > *e/*ē / латышских диалектов у в латышских и в латвии.

всегда действует с этими формами, в фонетически определяются строго глаголами действия дан из *e, тунītīe (мичиняются рефлексы этого, ср. ДА: карты

Эндзелином (см. не дает палатальной и верхнелатышской пралат. непалатальной именно: глагольный суффикс сложная. Во многих, например: *batynoāt* '«стучать» Kalupe⁴⁴⁵ (1977: 159). Полностью *idynoāt* (*veđināt*), но возможно, в случае *-upnoāt*, *vāđynoāt* же всегда действовала 1-ая форма, как в случае с (7) указывает на еще некоторые также могли ит.

и все, так или иначе, латышская перегласовка латышской перегласовки имеем *a > o *ā

> ō > uo: *sorkins* (*sarkans*), *gradzyns* „*gredzens*“⁴², *kļoātyn*, *noātyns* (исключение *sarunc* < *sarnis*, где закономерна 1-ая палатальная перегласовка) (Ancītis 1977: 65).

Кроме этого еще следует обсудить формы *desmit* с узким *e* и *dasmytais* с *a* < праверхнелат. *e. Сложность данного примера состоит в том, что -i- в обеих формах не является этимологическим и возник скорее всего относительно поздно и по тем же причинам, что и -u- в *uguns* < *ugns < *ugnis, т. е. *desimt > (вторично) > *desmt > *desmit*. Распределение *e и *e соответствует палатальности/ непалатальности соответствующих литовских форм, ср. *desmit* и лит. *dešimtis*, *dasmytais* и лит. *dešimtas*. Однако, на основании только этого примера предполагать, что 2-ая перегласовка была раньше или одновременно с пралатышской и 1-ой верхнелатышской перегласовками, мы не решаемся.

Итак, подведем промежуточный итог: отглагольный суффикс -ināt дает смешанные данные, поскольку подвержен разного рода аналогиям, именно суффикс -ups/ -ups стимулирует веляризацию предыдущего гласного при 1-ой и пралатышской перегласовках. Такой вывод полностью соответствует предположению Эндзелина, о том, что в этих формах был веляризирующий контекст.

При проверке этих примеров бросается в глаза одна особенность: параллельно суффиксам праверхнелат. *-ins и *-ināt в тех же самых формах, с теми же самыми лексемами и с тем же самым значением в других диалектах мы встречаем формы на -ens (*mārins* „*mērens*“, *gradzync* „*gredzens*“ и ряд др. (Endzelins 1951: 309)) и -enāt (здесь ситуация сложнее, см. Endzelins 1951: 833). В особенности среди имен мы имеем практически полное соответствие: верхнелатышскому (за исключением некоторых неглубоких селонских говоров) -ups/ -ups соответствует -ens (или его видоизменения) других говоров. Мало того, даже для формы наречия *kļoātyn* (Aknīste³⁶⁸, Ancītis 1977: 65) имеется параллельная форма *klāteņ* (BW. 13268, 19, 24 apud ME¹¹, 218–219). Может ли здесь идти речь о фонетическом переходе средне- и нижнелат. -ens в верхнелат. -ins, трудно сказать: несмотря на то, что -ens > -ins был бы фонетически вполне естественным переходом, ср. пралат. *en > *ē > ie а также, например, Preiļi⁴³⁹ *akmin's*, *rudin's* но перед гласным gen. pl. *akmen'* (*akmeņi*) (Turkopulis 1928: 12). Т. е. возможно, что здесь в тавтосиллабической позиции в безударных слогах -e- перешел в -i-, а в позиции перед гласным -e- сохранилось. О том, что в этих формах -i- должен быть вторичным, свидетельствуют литовские формы, ср. gen. sg. *akmeņs*, *rudeņs*. Однако при этом стоит принимать во внимание литовские глаголы на -inti и -enti, которые вряд ли связаны фонетически. Так или иначе, на наш взгляд, правильней считать, что веляризация при 1-ой и пралатышской перегласовках перед у, по крайней мере, не доказана, а скорее всего -у возникло здесь из -i по 2-ой перегласовке, а -i, в свою очередь, появилось на месте праверхнелат. *e фонетически или морфологически.

⁴² Примеры взяты только из глубоких латгальских и глубоких селонских говоров, из Endzelins (1951: 309), поскольку в неглубоких селонских говорах ситуация осложнена 2-ой лабиализацией, 3-ей перегласовкой и частичным совпадением результатов 1-ой перегласовки.

пралат. *-i- вызывающие пере-
гласовки *-i- звука -у- перед
гласка) возникло уже
2 фонемы – одна
ыдущий согласный
о, 1-ую верхнелат.,
юсточнобалт. *-ai),
и -i и -у, этимоло-
во многих случаях

здесь очевидно, что
3-ей пере-
гласовки,
гласного, а -i – пала-
лиņš 1933: 13).

гонги: a/ā/o, ā/ā/ō,

ыми в том случае,
сных: k, g, ķ, ģ, j, č,

угих говоров, пере-
21);

исключением неко-
3);

олько в некоторых
о pāifināt в Piebalga

егласовки в следу-

итории селонских
ах, ср. ДА: 55а, ДА:
usnēja₃₃₅, Vietalva₃₄₂:
ezīt „quālen“ (Kauliņš

твует, ср.: Aknīste₃₆₈
939: 98–99), Birži₃₆₂

ерегласовки видно,

– пере-
гласовка имеет практически регулярный характер (Endzelīns 1951:
133), а не проявляется как реминисценция бывшего процесса;

– палатальные согласные, возникшие из комбинации с j сами по себе не
создают здесь палатального окружения, необходимого для палатальной пере-
гласовки, мало того, препятствуют палатализации. Следовательно, эти звуки
до начала действия 3-ей пере-
гласовки уже отвердели;

– в тех говорах, где новые a/ā (из *a/ā и *e/ē) перешли в o/ō, палатальная
пере-
гласовка происходит именно с этими новыми o/ō, а не со старыми a/ā,
как это происходило при 1-ой пере-
гласовке, ср.: mōli (из mōls = māli – māls)
(Sāviena₄₂₈ (M. Poiša, LVI));

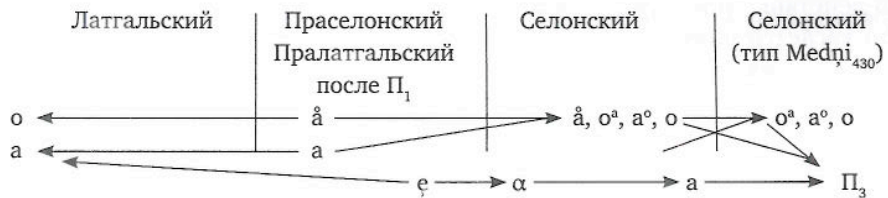
– пере-
гласовываются во всех образованиях (а не только в устаревших)
приставки, в зависимости от корневого гласного глагола, например: sārīt
(Sausnēja₃₃₅, Kauliņš 1933: 15);

– пере-
гласовка происходит после перехода дифтонга -ai# > -i > -ī. Этот
дифтонг не вызывает 1-ой палатальной пере-
гласовки (Endzelīns 1951: 111).
Только после полного перехода -ai# > -i > -ī данное окончание может вызы-
вать палатальную пере-
гласовку, что и происходит при данной пере-
гласовке, ср. примеры: rēdi Mēdzūla₃₁₈, Liezēre₄₀₃, Lubeja₃₂₉ (Hauzenberga 1934: 180);
pastāesti, gādāsi Sausnēja₃₃₅ (Kauliņš 1933: 14);

– очень поздние заимствования подверглись этой пере-
гласовке: stencija, bēnīe
(= bāni < нем. Bahn), Māndžurija, telapūnc Mēdzūla₃₁₈, Liezēre₄₀₃, Lubeja₃₂₉
(Hauzenberga 1934: 181);

– данная пере-
гласовка, очевидно, позже 2-ой пере-
гласовки, поскольку полу-
чившийся в результате 2-ой пере-
гласовки у вызывает здесь велярный аллофон,
а i палатальный. Следовательно, во время действия 3-ей пере-
гласовки 2-ая
пере-
гласовка уже имела (ср. § 2.9.2.2.4).

2.9.2.3.2. Ввиду количества произошедших фонетических изменений пред-
лагаем ниже общую схему развития праверхнелат. *a/*ā до селонских гово-
ров:

(соответствующие долгие гласные аналогично)

Итак, как видно, практически, из всех праверхнелат. *a/ā, *e/ē возникли
в селонских говорах звуки на всем диапазоне от a/ā до o/ō, и только лишь
палатализованный результат 3-ей пере-
гласовки отличается от остальных.

2.9.2.3.3. Как отмечает Kauliņš (1933: 13), перегласовка не затрагивает гласные пралат. *e/*ē, несмотря на то, что на первый взгляд и для этих гласных имеются пары, например: *nast - nesiet*. Однако в данном случае, как отмечает автор, мы имеем дело с рефлексам пралатышской перегласовки (§ 2.9). Т. е. *e/*ē > e/ē > a/ā в непалатальном контексте и *e/*ē > e/ē > e/ē̄ в палатальном (§ 2.8.1). Ср. например: *sakls - sekli, calt - ceļu* – фонетические контексты, при которых 3-я перегласовка не действует!

2.9.2.3.4. В селонских и некоторых западнолатгальских говорах (ДА: 53., 55d) перегласовывается также и дифтонг *ie* в *iē, ie^a, ia перед непередним и в *ie* перед палатальным гласным, например: *iala* но *ielīņa, liara* но *liepiņa, siava* но *sievīņa* (Pļaviņas₃₄₈, Īvenu 1928: 84).*

2.9.2.3.5. Что касается абсолютной хронологии, то здесь следует учесть следующие факты: поздние заимствования также претерпели перегласовку, ср. 1) **a > ä**: Sausnēja₃₃₅, Vietalva₃₄₂: *Pārīse, klāweeres, kānzāls* и др. (Kauliņš 1887: 225); поздние заимствования также претерпели перегласовку, ср. Dzelzava₄₀₉, Doāwīds (ср. *koa* = *kā*, там же) при *grākus* (= *grēkus*) (Kauliņš 1890: 322), *Joāniti* (= *Jāniti*) (Kauliņš 1890: 326); 2) **ā > ē**: Sausnēja₃₃₅, Vietalva₃₄₂: *glāefe* (Kauliņš 1887: 225); 3) **u > uⁱ**: Sausnēja₃₃₅, Vietalva₃₄₂ *muindeerintšch* (Kauliņš 1887: 225); 4) **uo > uo^e**: Sausnēja₃₃₅, Vietalva₃₄₂: *boede* (ср. среднелат. *biōde*, из СНН, ME₁, 360), *goews* (ср. среднелат. *guovs*) (Kauliņš 1887: 225), здесь вероятно *uo^e > o^e*.

Принимая во внимание эти многочисленные поздние заимствования а также относительно-хронологические данные, мы можем сделать вывод, что данная перегласовка в селонских говорах (и в некоторых примыкающих западно-латгальских) – очень позднее явление. Однако, с другой стороны, перегласовка должна была начаться до сокращения кратких гласных в закрытом последнем слоге, ср. *tuims, juims* (Sausnēja₃₃₅ (Kauliņš 1887: 226-227) и лит. *tuimìs, jumìs*, а также *bāļs* (= *balss*), *goews* (< *guo^evs* = *govs*), *kuirs* „вер“. Возвратная частица *s* < *si*, скорее всего, перегласовку все-таки не вызывает, как считал Эндзелин (Endzelins 1951: 134). Такие формы как *-veres, bēres, -dures* возникли из **rē-s* < **-ria-s*. Однако окончание инфинитива *-i* было утеряно еще до начала действия этой перегласовки, ср. *cap, kart, carāt, āst* (Kauliņš 1933: 14).

Что касается упомянутых выше заимствований из СНН, то их можно датировать по их фонетической форме между XIII и концом XV вв., учитывая, что в них уже прошел переход *urC / ur# > orC / or#*, однако еще не прошел переход *ō > ā*.⁴³

2.9.2.4. 4-ая Латгальская перегласовка

2.9.2.4.1. В рамках данной перегласовки латгальские дифтонги ⁽ⁱ⁾*e/iē*, возникшие из закрытых **e/*ē* (§ 2.8.1), скорей всего через стадию *'e/'ē*, были перегласованы в позиции перед новым конечным *ę* (< *e*, § 2.8.2) и *a* в звуки *'a, ā/ia*,

⁴³ Ср. Gallée (1993: 16–17). За помощь в датировке СНН форм я очень обязан Штефану Мюллеру (Germanistisches Seminar, Universität zu Bonn).

*ā*⁴⁴ соответствие *ę* сохранился. / юго-восточные видны в следук результатов бы

Тип	Место
1	Alūksne ₄₆₅
2	Cibla ₄₈₈
3	Pilda ₄₉₂
4	Varakļāni ₄₂ Bērzpils ₄₇₆

Следует отметить часть говоров, и в ровать этот проце происходила очен никогда и не был ны в других говор схеме мы предла

ē <

⁴⁴ Брейдак (1989: 19 гласный *'a* / = *я, ia*;

⁴⁵ Точное географич (1996:27-28), карты

⁴⁶ Alūksne₄₆₅ (Brencis 2); Bērzpils₄₇₆ (Endzel

з затрагивает глас-
и для этих гласных
учае, как отмечает
асовки (§ 2.9). Т. е.
ē > e/ē в палаталь-
ческие контексты,

говорах (ДА: 53.,
ед непередним и в
ара но *liepiņa, siava*

следует учесть сле-
и перегласовку, ср.
и др. (Kauliņš 1887:
звку, ср. *Dzelzava*₄₀₉
ñ 1890: 322), *Joāniti*
; *glāefe* (Kauliņš 1887:
iņ 1887: 225); 4) **uo**
из СНН, МЕ_p, 360),
ятно **uo^e > o^e**.

мствования а также
ь вывод, что данная
ающих западно-лат-
роны, перегласовка
акрытом последнем
и лит. instr. *tumīs*,
rs „wer“. Возвратная
ызывает, как считал
eres, -dures возникли
) утеряно еще до на-
(Kauliņš 1933: 14).

И, то их можно да-
м XV вв., учитывая,
нако еще не прошел

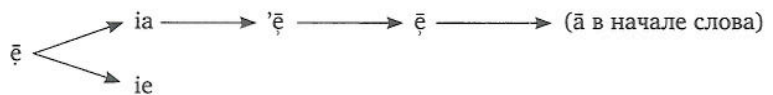
фтонги ⁽¹⁾ e/iē, возник-
о 'e/'ē, были перегла-
) и а в звуки 'a, ā/ia,

нь обязан Штефану

ā⁴⁴ соответственно, в остальных позициях они перешли в e, 'e/ie, т. е. краткий e сохранился. Ареал действия 4-ой перегласовки составляет приблизительно юго-восточные глубокие латгальские говоры⁴⁵. Примеры рефлексов *e/*ē видны в следующей таблице, где нами собраны основные типы распределения результатов бывших *e и *ē:⁴⁶

Тип	Место	перед палат. соглас- ными и i, ī в любой позиции	окончание е-скл., в корне в е-, а-скл., в прош.вр. на -ē и их инфин.	
			в корне	в абс. начале слова
1	Alūksne ₄₆₅	E: <i>debess</i> IE: <i>dvieseles</i>	E: <i>vece</i> IE: <i>dvieseles</i>	
2	Cibla ₄₈₈	E: <i>ceļš, ežeren'c</i> IE: <i>viēzs, viejs</i>	JA: <i>zjamja, mūt'a, jis</i> <i>ņasja</i> (но: <i>tu ņesi</i>) JĀ: <i>mjāļa, jis cāļa</i>	A: <i>agļa</i>
3	Pilda ₄₉₂	E: <i>ceļš</i>	E: <i>zēme, cēlt</i>	A: <i>agļa, āst'</i>
4	Varakļāni ₄₂₆ , Bērzpils ₄₇₆	IE: <i>dziervu,</i> <i>iēšū (ēdišu)</i>	E: <i>lēce, dzērve</i>	E: <i>ēst'</i>

Следует отметить, что в данном случае перегласовка охватила небольшую часть говоров, и в связи с этим недостаточно материала, чтобы реконструировать этот процесс во всех деталях. Кроме того, учитывая, что перегласовка происходила очень поздно, вполне вероятно, что в других частях Латгалии ее никогда и не было, т. е. предположение, что ее результаты были нивелированы в других говорах (как, например, с 1-ой перегласовкой) маловероятно. На схеме мы предлагаем приблизительную реконструкцию:

(краткий e аналогично)

⁴⁴ Брейдак (1989: 195-198) предлагает такое обозначение звука, который «...произносится как гласный 'a / = я, ia/ за смягченным согласным в русском, белорусском и польском языках».

⁴⁵ Точное географическое распределение см. на карте у Брейдака (1981с: 95) или Breidakas (1996:27-28), карты 19 и 20.

⁴⁶ Alūksne₄₆₅ (Brencis 1914: 118-9); Cibla₄₈₈ (Āboliņa 1926: 32-3); Pilda₄₉₂ (Tichovskis 1933: 41-2); Bērzpils₄₇₆ (Endzelins 1951: 109); Varakļāni₄₂₆ (Latkovskis 1931: 102).

Формы *drēnc „slikts, nelāga“* (из русск. *дряной*), *sprīesl'ēica „sprēslica“* (из русск. *пряслица*) из Kalupe⁴⁴⁵ (Reķēna 1962: 380, 468) доказывают, что в тех говорах, где сегодня *ē/ĕ* перед непалатальным, была промежуточная стадия *ʼa/ia*.

2.9.2.4.2. Особый случай, когда за *r* но не перед *j* следует *iē* оно появляется в виде *ā*. По сути, это частный случай данной перегласовки, и его следует объяснять следующим образом: *iē* переходит в *ia*, затем *r* теряет свой палатальный аллофон, так, что группа *-ria-* > *-ra-*, например, в Pilda⁴⁹² палатального *r* нет (Tichovskis 1933: 45), и здесь имеется переход *-rē-* > *-ria-* > *-ra-*. Промежуточная ступень, например, в Auleja⁵⁰² *radzāt* (Endzelins 1951: 109), где *r* еще сохранил свою палатальность. В том случае, когда за *-riē-* следует *j*, данная группа остается без изменений.

2.9.2.4.3. Звуки, результирующие из данной перегласовки, т. е. *ʼa/iā* (по другой транскрипции *ā/ā̃*), в начале слова во многих говорах теряют свой первый компонент и переходят из *ia-* в *a-*, из *iā-* в *ā-*, ср. формы, приведенные в таблице.

2.9.2.4.4. В некоторых говорах, например, Alsvīki³⁹¹, Apukalns^{385,384,386,387}, Nereta³⁶⁵, только в суффиксальных слогах прошла перегласовка *ē > ĕ* или *ā > a* перед новым *ē* или древним *a*, например: *zēmana* (< *-ene*), *vesēliba* (Endzelins 1951: 102–103).

2.9.2.4.5. Распространение рефлексов пралатышского закрытого **ē*, т. е. позиционного варианта восточнобалт. **ē* (Endzelins 1951: 94) на территории верхнелатышского диалекта (в особенности латгальских говоров), на наш взгляд, наиболее полно представлено у Брейдака в диссертации (1989: 192–194), где он выделяет 6 различных вариантов:

1. в говорах центральных и некоторых юго-восточных говорах Латгалии: глагол «есть» *āšt* „ēst“ и *iežu* < *ēžu*, *āglā* напр. в Sakstagals⁴⁸³.

Данное противопоставление хорошо объясняется 4-ой перегласовкой: в форме *iežu* отсутствует вызывающий перегласовку новый открытый *ē*, следовательно, здесь мы имеем *ie* (< *ē*). Что касается формы инфинитива, то тут, как известно, она базируется на морфологической основе прошедшего времени, где действовала 4-ая перегласовка. Следовательно, мы должны ожидать форму **iāšt*, т. е. *āšt* аналогично форма *āglā*.

2. в говорах юго-восточной Латгалии: *apādā* < *apēde* „apēda“, *āšt*, *iežu*, *tā* (< *te*), *agla*, напр. Zvirgzdine⁴⁸⁷, Nirza⁴⁹³, Pilda⁴⁹², Cibla⁴⁸⁸.

И это противопоставление относится к объясняемым 4-ой латгальской перегласовкой: *apādā* < **apiādia* < 4-ая перегласовка < **apēdia* < (§ 2.8.2) < *apēde*. Форма *āšt* объясняется также 4-ой перегласовкой из: **iāšt* > (§ 2.9.2.4.3) > *āšt*, *agla* – аналогично. Форма *tā* согласно § 2.8.2.

3. в одной части говоров западной Латгалии: *ēšt*, *ēžu*, напр. Stirniene⁴³³.
Здесь 4-ая перегласовка не действовала, здесь **ē* > *ē* (§ 2.8.1).

4. в другой части западнолатгальских говоров: *ēšt*, *iežu*, напр. в Rudzēti⁴³⁷.
Аналогично но. 1.

3-4. в говорах западной Латгалии: *ēglē* Varaklāni⁴²⁶, Livāni⁴³⁶.
Здесь 4-ая перегласовка не действовала, здесь **ē* > *ē* (§ 2.8.1).

5. в говорах *iežu*.

Здесь речь и *ie* (§ 2.8.1).

6. в говорах Galgauska⁴⁰⁰ и Jaunlaicene³⁸⁵.

Здесь ситуация приблизительно наш взгляд, эти не перешел в *i* (412). Таким образом (Endzelins 1951

2.9.2.5. Аналогично

Пример, при Vārka⁴³⁸, ср. л о переходе нач: *etslēdzīņa* ср. *ats* также *kezlenīņu* *tebēceņa* Bērzpil. Всем этим примерны были иметь *atslāga* (т. к. при палатальную пе заимствований. 3-ей перегласов явление не имеет нам представля вторичной и воз боких латгальск с деминутивных чередование в л латышских откр а, например: *vac* обсуждаемые фо той разницей, чт же здесь, вероятно **arklis* > **ārklis* пары, типа *Apuka gerji* (*gaři*) Alūksn *gerji* с морфонол симплекса *gars* с

gēslica“ (из русск. что в тех говорах, т стадия ⁱa/ia.

оно появляется в и его следует объ- зной палатальный алтального ɣ нет > -ra-. Промежу- 1: 109), где r еще следует j, данная

ки, т. е. ⁱa/iā (по зрах теряют свой мы, приведенные

ukalns^{385,384,386,387} овка e > ė или > vesēliba (Endzelins

того *ē, т. е. пози- территории верх- в), на наш взгляд, 1989: 192–194), где

оворах Латгалии:

перегласовкой: в ткрытый ė, следо- финитива, то тут, рошедшего време- должны ожидать

pēda“, āšī, iēžu, tā

й латгальской пе- ēdia < (§ 2.8.2) < *iāšī > (§ 2.9.2.4.3)

р. Stirniene⁴³³. 2.8.1).

напр. в Rudzēti⁴³⁷.

ⁱ₄₃₆ 2.8.1).

5. в говорах северной Латгалии и некоторых говорах южной Латгалии iēšī, iēžu.

Здесь речь идет о регионе, где 4-ая перегласовка не действует, здесь все *ē > ie (§ 2.8.1).

6. в говорах северо-восточной Видземе лок. ед. ч.: upē, klētiē < /klētē/ Galgauska⁴⁰⁰, zemē Anna⁴⁶⁷, и iēst, n'esu, в Veclaicene³⁸⁶, Ziemeis⁴⁶², Karva³⁸⁷, Jaunlaicene³⁸⁵, Jaunroze³⁸⁴.

Здесь ситуация немного более сложная. Формы upē и zemē имеют в окончании приблизительно один и тот же звук ē (ср. § 2.8.2). Форма klētiē содержит, на наш взгляд, этимологический ie – в этом регионе пралат. ie (*ē) сохранился, и не перешел в ī (ср. ДА: 53). Это древнее окончание локатива (Endzelins 1951: 412). Таким образом, мы имеем ē/ē̇ в безударных слогах и ⁱe/ie в ударных (Endzelins 1951: 109).

2.9.2.5. Аналогическая перегласовка

Пример, приведенный Брейдаком (1989: 136) ierklēitīs «плохой конек» Vārkava⁴³⁸, ср. лит. arklīs, где *a^rkl- > *ārkl- > *iārkl- > ierkl-, свидетельствует о переходе начального ā/ia > ie, kērklēitīs ср. kārklīs «кормушка», Bērzgale⁴⁸⁵, etslēdzīņa ср. atslāga, Aknīste³⁶⁸, Birži³⁶²; velēniņa, ср. valāna «дерн» < velēna. А также kezleniņu (= kazlēniņu) Viļaka⁴⁷¹, kerzineite „groziņš“ Aizkalne⁴⁴⁶, tebeciņa/tebecēņa Bērzpils⁴⁷⁶, Varakļāni⁴²⁶, Sakstagals⁴⁸³, Rugāji⁴⁷⁵ (Breidaks 1974: 129). Всем этим примерам обще то, что в своей изначальной форме все они должны были иметь a (а не o!) на той позиции, где состоялась перегласовка, ср. atslāga (т. к. приставки обычно сохраняют a), *kazlēns (т. к. долгий ē вызывает палатальную перегласовку, ср. Endzelins (1951: 94)), в *karzina, *tabaks – a из заимствований. Учитывая далее, что в глубоких селонских говорах следов 3-ей перегласовки нам не удалось найти, мы можем предположить, что это явление не имеет ничего общего с 3-ей перегласовкой. Наиболее вероятным нам представляется следующее объяснение: данная перегласовка является вторичной и возникла по аналогии с уже имевшимся к тому времени в глубоких латгальских говорах чередованием a – простое слово versus e – сложное с деминутивным суффиксом, содержащим палатальный гласный. Данное чередование в латгальских говорах восходит к чередованию древних, пралатышских открытого и закрытого *e: *e versus *e – *e > латг. e, *e > латг. a, например: vacs – vesīņš. По аналогии с данным чередованием возникли и обсуждаемые формы. В случае с ierklēitīs ситуация аналогична, лишь только с той разницей, что закрытый e в начале слова здесь выражается через ⁱe, к тому же здесь, вероятно, имело место продление a- перед тавтосиллабическим -r-, *arklis > *ārklis > *iārklis > + *-itis > ierklēitīs. Аналогично объясняются пары, типа Apukalns (Ābele, Lepika 1928: 39) gars (< garš) versus gerji (там же), gerļi (gari) Alūksne⁴⁶⁵, (Brencis 1914: 115). Здесь следует учесть, что наречие gerji с морфонологической точки зрения образовано по аналогии: от основы симплекса gars с помощью суффикса -ji (как например в tuji «далеко») – gars

имеет в корне *a*, следовательно здесь при образовании применялось чередование типа *vacs – veciņš*, которое и привело к *gerji*. Гласный *a* симплекса, хотя и был результатом действия 1-ой перегласовки, однако носителями как таковой больше не воспринимался. Такая же ситуация, вероятно, и с *jeciņš* (*jaciņš*) *Alūksne*⁴⁶⁵ (Brencis 1914: 115). Здесь *jaks* не дал ***joks* при 1-ой лабиализации, видимо, в связи с тем, что он стоит после *j*-. Сохранив свой первичный вокализм и не претерпевая 1-ой лабиализации, данное слово было определено языком в группу типа *vacs* (= *vecs*), для которой деминутив закономерно образуется по типу *veciņš*, т. е. *jeciņš*. Далее, мы предполагаем, что и форма *pams – nemiņš* (Brencis 1914: 115) относится сюда же. Дело в том, что *pams* часто встречается в верхнелатышских говорах именно с таким вокализмом, а не **poms*, по пока не вполне ясным причинам - возможно, что это слово является заимствованием из литературного языка.

Очевидно, что данное явление очень позднее, что видно из слов, которые ему подвержены, а также условия для его возникновения – **e > a* – процесс, завершившийся довольно поздно (§ 2.7.3).

Здесь еще раз важно отметить, что в данном случае **речь не может идти о фонетическом процессе. В данном случае мы имеем лишь спорадическое изменение гласных по аналогии.**

2.9.3. НЕКОТОРЫЕ, ДО СИХ ПОР НЕВЫЯСНЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРЕГЛАСОВКОЙ

2.9.3.1. Довольно ясен пример из глубоких латгальских говоров: *ešmīnš* (= литер. *asmens*) в *Zvirgzdene*⁴⁸⁷, *Nautrēni*⁴⁸⁰, *Pilda*⁴⁹² – данная форма, на наш взгляд, из истории верхнелатышского диалекта не объясняется. Она должна быть реконструирована в пралат. как **esmenis*, т. е. тип *ūdens*. Здесь 4-ая перегласовка закономерно не действует, т. к. нет необходимых условий. Начальный закрытый *e* здесь остается неизменным, т. к. находится в палатальном контексте пралатышской перегласовки, ср. *eši* (= *esi*).

2.9.3.2. Формы *řevēř* „řavēt“ но *řavāc* *Aknīste*³⁶⁸ (Ancītis 1977: 49), возможно, восходят к **řevēt* и являются закономерными.

2.9.3.3. *e* на месте *a* в безударных слогах

В безударных слогах регулярна 1-ая палатальная перегласовка **a > *a^e > a*, например, *řakariņš* (§ 2.9.2.1.6). Однако в некоторых словах наблюдается **a > e*. В глубоких латгальских говорах, ср., например, в *Alsviķa*³⁹¹, *Beļava*³⁹⁴, *Litene*⁴⁷² (Zaube 1939: 121): *pagele* (*pagale*), *řavasers* *Alūksne*⁴⁶⁵ (при *řosara*, *řasariņa* (Brencis 1914: 115), *řavesers* *Kalnecmpji*³⁹⁵ (Balode 2000: 22). Сюда же относится заимствование *řařel'ę* (лит. *řařalýs*) „pojume, řaspārns“ *Kalupe*⁴⁴⁵ (Reķēna 1962: 439), *řarakļāni* (Latkovsks 1931: 108); форма: *Jumeleņa* «мать урожая, жена бога урожая» *Varkava*, *Kariņi*⁵⁰¹ : *Jumola Viļāni*⁴²⁷, приведенная Брейдаком (1989: 136). Однако, с другой стороны, встречаются и «закономер-

ные» формы, *řakar* *Aknīste asers*, *kambers* (< *sienmalis*)

Возникает и затем произв место на лати глубоких лати 3-ей переглас воров, где при в непродуктив продуктивных например, раз в обоих случаях *řakariņš*). Такая *a* – более сог плексом *řosara* параллельные «название ветр *Aņķšćiai*) (*Stan* мы, как *sātmeš* (где формы с ко ятней предпол *a > e* в безуда данный переход а является древи Итак, *e* в таких перед *i* в безуда цесс происходил *řuodekelýs* (< *řu* Возможно, что откуда возникла не этимологичен такая перегласов разования на *-asa* предполагает zde

3. НЕКОТОРЫЕ

Ниже мы рассма тышского консона зации **kj-*, **ki-* > *řk*) является прала *řk*) является прала работы. С другой с

менялось чередо-
а симплекса, хотя
ителями как тако-
ю, и с *jesiņš* (*jasiņš*)
-ой лабиализации,
й первичный воза-
было определено
итив закономерно
гаем, что и форма
ло в том, что *pats*
таким вокализмом,
жно, что это слово

ю из слов, которые
- *e > a – процесс,

ь не может идти о
шь спорадическое

ПРОБЛЕМЫ,

говоров: *ešmīnīc* (=
ная форма, на наш
няется. Она должна
lens. Здесь 4-ая пере-
лх условий. Началь-
дится в палатальном

977: 49), возможно,

гласовка *a > *a^e >
словах наблюдается
в *Alsviķa*³⁹¹, *Beļava*³⁹⁴,
*ūksne*⁴⁶⁵ (при *vosara*,
е 2000: 22). Сюда же
; *raspārns*“ *Kalupe*⁴⁴⁵
орма: *Jumeleņa* «мать
*iļāņi*⁴²⁷, приведенная
аются и «закономер-

ные» формы, например, *pavasars* *Kalupe*⁴⁴⁵ (Reķēna 1962: 19–21), *pavasārs*, *tagad*, *vakar* *Aknīste*³⁶⁸ (Ancītis 1977: 49), *Alūksne*⁴⁶⁵, некоторые слова на -ars: *āmers*, *asers*, *kambers*, *vanckers*, кроме того, *pavasars* (при *vosara*, *vasariņa*), *sātmels*, *simels* (< *sienmalis*), (Brencis 1914: 115).

Возникает вопрос, произошла ли здесь перегласовка на литовской почве, и затем произведено заимствование в латгальские говоры, или же она имела место на латгальской почве? Очевидно, что, раз формы с *e* появляются и в глубоких латгальских говорах, значит данный *e* не может быть результатом 3-ей перегласовки, как это можно было бы предположить для селонских говоров, где присутствуют схожие формы. Далее, интересно, что *e* содержится в непродуктивных образованиях типа *pavesers*, *appekle* (< *arkakle*), а *a* – в продуктивных, например, *vakariņš*. Здесь даже нельзя предположить, что, например, разные палатальные гласные дали различную перегласовку, т. к. в обоих случаях катализатором палатальной перегласовки был *-i-* (*pavesers* и *vakariņš*). Такая картина наводит на мысль, что *-e-* – более древнее состояние, а *-a-* – более современное или возникшее по аналогии с соответствующим симплексом *vosara*. При таком выводе для сравнения напрашиваются литовские параллельные формы, где *e* сохранился перед палатальным *i*, ср. лит. *vasēris* «название ветра и месяца», *pavasēris* (*Kvėdarna*, *Salantai*, *Punkskas*, *Karsakiškis*, *Anykščiai*) (Stang 1966: 33, Zinkevičius 1966: 54). Однако, учитывая такие формы, как *sātmels* (*sētmalis*), *simels* (< *sienmalis*), *pagele* (*pagale*), *appekle* (*arkakle*), где формы с корневым *-e-* более нигде не встречаются, представляется вероятней предположить, что здесь мы имеем дело с фонетическим переходом *a* > *e* в безударных слогах перед *i*, когда их разделяют плавные. При этом данный переход не относится ни к одной из верхнелатышских перегласовок, а является древним праверхнелатышским процессом.

Итак, *e* в таких формах, как *pavasars*, не этимологический, а возник из *pavasaris* перед *i* в безударном слоге, который отделился от него плавный. Данный процесс происходил и на территории Литвы ср. *peršēlis* (*paršēlis*) *Dysna* (*vilniškiai*), *puodekēlys* (< *puodakēlys*) *Dusetos* (*utenišķiai*) (Skardžius 1938: 42).

Возможно, что данное правило распространяется и на контекст перед *-s-*, откуда возникла форма с двумя *-e-* *pavesers*, где первый *-e-*, вероятно, также не этимологичен, несмотря на греч. *ἔαρ* (< **vesr*) и слав. *ves-n-a*. О том, что такая перегласовка действовала и перед *-s-*, возможно, говорят литовские образования на *-asas* из *-esas*, *mėnasis* (< *mėnesis*) (Skardžius 1938: 43). Скарджюс предполагает здесь селонский субстрат (Skardžius 1938: 44).

3. НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНСОНАНТИЗМЕ

Ниже мы рассматриваем только лишь некоторые процессы истории верхнелатышского консонантизма, так как большая часть их, как, например, палатализации **kj-*, **ki-* > *c*, **tj* > *š*, **-cj-* > *č*, **stj* > *š*, по аналогии > *š* (> верхнелат. *šk*) является пралатышскими процессами и выступают за рамки темы данной работы. С другой стороны, например, такие процессы как отверждение *-r-*, ис-

чезновение интервокального *-j-*, вставка *-t-* в суффиксах *-inc*, *-iņč* и др. также были опущены, поскольку они относятся к самому позднему этапу развития верхнелатышских говоров и потому очень отличаются от говора к говору, а с другой стороны ничего не дают для уточнения общей относительной хронологии. Позиционное смягчение согласных типично латгальским говорам и его трудно как-то хронологически ограничить. Кроме того, эти процессы уже хорошо описаны. Наиболее полные описания этих и других процессов можно найти в Брейдак (1989) и Endzelīns (1951).

3.1. Депалатализация палатальных согласных

Смягченные согласные *š*, *ž*, *č*, *dž* сохранились в центральной части глубоких латгальских говоров (ср. карту в Брейдак (1989: 374), Брейдак (1994: 156 и 163)), а также в речи старого поколения в приграничных с западной группой говорах (разделение по Брейдаку), например, в *Bērzpils*₄₇₆, *Gaigalava*₄₇₉, *Varakļāni*₄₂₆, *Viļāni*₄₂₇, *Dricēni*₄₈₂ и др. Брейдак (1994a: 66). Далее на запад только лишь некоторые из указанных согласных имеют палатализованные аллофоны (см. Брейдак 1994a: 69–73). В остальных же говорах произошла депалатализация данных согласных. Так, например, в *Lubāna*₄₁₇ различие *iū* (после палатальных согласных) от *ui* почти не соблюдается (Zirniņš 1937: 116). В неглубоких селонских говорах смягченность была утрачена еще до действия 3-ей перегласовки, т. е. смягченность была утрачена между действием 1-ой и 3-ей перегласовок.

3.2. Сочетания губных с *j: *-pj-, *-bj-, *-vj-, *-mj-

Сегодня в большинстве верхнелатышских говоров данные сочетания были упрощены в *-p-*, *-b-*, *-v-*, *-m-* соответственно. В тех же говорах, где *-j-* присутствует, он появляется нерегулярно, что говорит о его появлении по аналогии. В связи с этим реконструкция процесса развития данных сочетаний довольно осложнена.

3.2.1. Интересно отметить, что 3-я перегласовка действует перед **pj*, **bj*, **vj*, **mj*, ср. *Kaldabruņa*₄₄₂ (Kancāns 1937: 83) *skāpa Sausnēja*₃₃₅ (Kauliņš 1933: 17). Кроме того, *-j-* сам перегласовку не вызывает, ср. *mājiņa*, *kājiņa Sausnēja*₃₃₅ (Kauliņš 1933: 15). Группы **-pj-*, **-bj-*, **-vj-*, **-mj-* и *-pi-*, *-bi-*, *-mi-*, *-vi-* ведут себя одинаково, ср., например, *āvs* (avis), *ju'mi* (лит. *jumis*), *lābi* с *-i-* и *glā'bu*, *kā'pu*, *gā'vu* с *-j-*. Таким образом, ко времени действия 3-ей перегласовки мы можем исключить присутствие *-j-*, скорее же всего к этому времени в селонских говорах на месте **-pj-*, **-bj-*, **-vj-*, **-mj-* произносились палатализованные *-p'*, *-b'*, *-v'*, *-m'*. Далее, очень необычной представляется ситуация, что, например, *š* (s + j / t + j), *ž* (z + j) и др. палатальные ко времени начала действия 3-ей перегласовки стали твердыми согласными, а, в принципе, типологически менее устойчивые к мягкости **-pj-*, **-bj-*, **-vj-*, **-mj-* их палатализованность сохранили. Здесь, кажется, самым лучшим объяснением может быть пред-

положение, что на периферии *Jaunroze*₃₈₄ юге, в некоторых позициях после неглубоки отметить, что *-j-* в этой позиции пользу того, по аналогии: *sg. lāča* < *lāč была бы *lāč *tuvji*, в котором очевидно, что 110) более д

3.2.2. Фонетические формы *Baltinava*₄₇₈ (V благодаря той *tuvs*) > *-uļ-*.

Приведенное положение, что на той стадии развития (*mj, *pj, *bj) в позициях после 3.2.3. Такие фонетические результаты исторически реконструируются *sg. f.*, *g. sg. m*) лямбды *l* в *slap Предположительно аналогических согласного.

3.2.4. В своей на картах мест Брейдак 1977 некогда дали эп благодаря морфимическим формам, которые *-l-* и *-n-* законом глубокие латгалском важно отметить разное развитие возникшие по ан

ис, -iņš и др. также му этапу развития говора к говору, а гносительной хралльским говорам и , эти процессы уже к процессов можно

юй части глубоких эйдак (1994: 156 и с западной групп pils⁴⁷⁶, Gaigalava⁴⁷⁹ i). Далее на запад палатализованные оворах произошла bāna⁴¹⁷ различие iū (Zirnītis 1937: 116). на еще до действия ду действием 1-ой

ые сочетания были ах, где -j- присутствии по аналогии. очетаний довольно

зует перед *pj, *bj, ģja³³⁵ (Kauliņš 1933: ia, kājiņa Sausnēja³³⁵ -mi-, -vi- ведут себя с -i- и glābi, kāri, ласовки мы можем ни в селонских гопатализованные -p-, ция, что, например, чала действия 3-ей пе, типологически алатализованность i может быть пред-

положение, что *-pj-, *-bj-, *-vj-, *-mj- возникли здесь вторично. Учитывая, что на периферии, т. е. в северных глубоких латгальских говорах (например, Jaunroze³⁸⁴, Jaunlaicene³⁸⁵, Veclaicene³⁸⁶ (Ābele, Lepika 1928: 39)), а также на юге, в некоторых глубоких селонских говорах (Nereta, Meņģele 1939:100) в позиции после корня еще сохранился -j-, можно предположить, что раньше и в неглубоких селонских говорах здесь еще сохранялся -j-. При этом следует отметить, что ни в северных латгальских говорах, ни в глубоких селонских -j- в этой позиции не присутствует регулярно, что скорее всего говорит в пользу того, что и здесь фонетически -j- исчез, а появляется он только лишь по аналогии: nom. sg. *gald-s* / *skapi-s* gen. sg. *gald-a* / x, x = *skapi-a*, ср. *lācis* gen. sg. *lāča* < **lācija*, где очевидно, что -j- по аналогии, т. к. правильная форма была бы **lāca* < **lākja*. В наречиях же, например, по следующему образцу: *tuvji*, в которой заново возникла группа -vj-, *zemji* вместо *zemi*. Таким образом, очевидно, что форма *labi* < **labji* (не **labi* > ***lobi*) Nereta³⁶⁵ (Meņģele 1939: 110) более древняя чем *zemji*.

3.2.2. Фонетически закономерная форма, содержащая *l*, сохраняется в следующих формах, например, в *Skaista*⁵⁰⁷ (Latkovskis 1935: 48) *tūl'i* (= *tuvu*), *Baltinava*⁴⁷⁸ (Vītole 1931: 135) *tūle*. В данной форме *l* мог сохраниться только благодаря тому, что здесь группа *-uvl- > (§ 2.2) > *-yv- (в форме *tivs* > *tivs*) > -yц-.

Приведенная выше форма *tūci* поддается объяснению только при предположении, что дифтонгизация *ū из *-uv- > *-ūv- (§ 2.2.1) действовала еще на той стадии развития латгальских говоров, когда *l* из *vj (вероятно также и из *mj, *pj, *bj) еще не был утрачен, другими словами *l* был утрачен в данной позиции после дифтонгизации долгого *ū.

3.2.3. Такие формы как *tūji* Aknīste³⁶⁸ (Ancītis 1977: 206) к *tyus* (= *tivs*) являются результатом морфологического реанализа и аналогическим замещением исторически регулярной формы *tiūji*; здесь же употребляется форма *slapņa* (n. sg. f., g. sg. m) Aknīste³⁶⁸ (Ancītis 1977: 133), которая возникла из диссимиляции *l* в **slapļa* (Endzelins 1951: 228; Reķēna 1962: 56; Брейдак 1989: 252). Предположительно, что именно эти формы были источником распространения аналогических -l- и -n- на месте древнего *-j- в позиции после лабиального согласного.

3.2.4. В своей диссертации Брейдак провел очень ценную работу, показав на картах места появления эпентетических *l̃*, *l* и *ñ*, *n* (Брейдак 1989: 366–368 и Брейдак 1977: 14), т. е. районы, в которых обсуждаемые соединения с *-j- некогда дали эпентетический призвук *l̃, который сохранился до наших дней благодаря морфонологическому реанализу вышеупомянутых или подобных им форм, которые ввиду своей особой фонетической структуры сохранили -l- и -n- закономерно (§ 3.2.2). Данные районы охватывают практически все глубокие латгальские говоры и некоторые глубокие селонские говоры. При этом важно отметить, что на севере латгальских говоров произошло ретроградное развитие под влиянием литературного языка. Здесь многие такие *l̃*, *ñ*, возникшие по аналогии, были изменены обратно в -j-, причем это стремление

естественно вызвало появление целого ряда гиперкоррективизмов, например *Alūksne⁴⁶⁵ pierkju* „pērku“ (Endzelīns 1951: 789), понятно, что такая группа *-kj-* не может быть древней. Таким образом, и из этого примера видно, что на севере Латгалии также некогда существовали эпентетические согласные.

3.2.5. Эндзелин (Endzelīns 1951: 173) предполагает, что **j* во всех данных сочетаниях дал *l̥*, который в последствии под действием аналогии перешел обратно в *j* в позиции на стыке корня и окончания. Исконное состояние сохранилось в корневых слогах: *spļaiūt* = лит. *spjāuti*. Брейдак (1989: 247–248) считает, однако, что только в верхнелатышских говорах данные сочетания дали и на стыке корня закономерно *l̥*. В селонских и во многих латгальских говорах *j* в данной позиции просто исчез, и лишь позднее под действием литературного языка в этих говорах был внедрен *j* в этой позиции. Такое объяснение фактов нам представляется эффективней точки зрения Эндзелина, тем более, что в среднелатышских говорах нет никаких реликтов былого ***l̥* в этой позиции. Таким образом основываясь на мнении Брейдака мы предполагаем, что **rj*, **bj*, **vj*, **mj* в восточных, латгальских говорах некогда действительно перешли в *pl̥*, *bl̥*, *vl̥*, *ml̥* при этом большая часть этих говоров *l̥* в этой позиции утратила.

Итак, обобщая вышесказанное, мы делаем вывод, что древний **j* в соединении с губными в глубоких латгальских и, возможно, частично в глубоких селонских говорах перешел в *l̥*. Однако, как показывают составленные Брейдаком карты эпентетических *l̥*, *ŋ* в неглубоких селонских говорах, данный процесс, по всей вероятности, не имел места. После закономерного фонетического исчезновения **j* в неглубоких и некоторых глубоких селонских говорах, а **l̥* – в латгальских и некоторых глубоких селонских говорах, распространился новый *-j-*, возникший под действием аналогии, а также под влиянием литературного языка (где, однако, также возможна аналогия). В неглубоких селонских говорах аналогический *-j-* возможно и не возникал, а оставил лишь следы палатализации, которые также послужили причиной 3-ей палатальной перегласовки (§ 3.2.1). Этот вторичный *-j-* фонетически также исчезает и в глубоких селонских и в латгальских говорах. Вероятно также и то предположение, что *-j-* в неглубоких селонских говорах не исчезал полностью, а сохранялся под действием системной аналогии или, что признак палатализованности сохранялся под действием аналогии, например: *dēlis - dēļa: skapis - x*, *x = skap'a*.

3.2.6. Для относительной хронологии следует отметить, что фонетическое исчезновение *-l̥-* из латгальских говоров относительно древнее, поскольку найденные нами заимствования из других языков, содержащие соединение губного и *-l̥-*, пришли в латгальские говоры уже после этого процесса, т. к. они полностью сохранили эти группы, т. е. являются *terminus ante quem*: *Kalupe⁴⁴⁵: abļa „ēvele“* лит. *ablija, oblius, kapl'ę* «капля» (Reķēna 1962: 347, 398). *Terminus post quem* представляет дифтонгизация долгого **ū* (§ 3.2.2).

3.3. *k > č, ģ*

В глубоких говорах, среди соответственных явно сузилась, *ġ*, на их месте *l̥* (*ķimīni*), а так *119*, *Kalupe⁴⁴⁵*, польского, вериз *Reķēna 196*. языка, вследствие (1989: 335–336). данных топонимов латышских говор

Очевидно, что тышского языка: *ķ, ģ* перед палатализациями, как и появляются в оже куронизмах, *džēimš < ģimš* (у довольно древних *-i-* перед веларом на наш взгляд о) вызывает, т. е. Ди *Latkovskis 1931: 1* *ķ > č* (ДА: 81., 8:

4. РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Хронология

Итак, в ходе данной работы получены следующие результаты. Результаты могут быть использованы для

⁴⁷ По терминологии происходила еще в

⁴⁸ В действительности **ū* и затем 2. 2-а

измов, например акая группа -kj- не дно, что на севере ласные.

всех данных соче- и перешел обратно яние сохранилось 247–248) считает, етания дали и на льских говорах j в ем литературного бьяснение фактов и, тем более, что в *j в этой позиции. полагаем, что *rj, вительно перешли позиции утеряла. вний *j в соедине- чно в глубоких се- ленные Брейдаком и, данный процесс, фонетического ис- их говорах, а *j – в остранился новый ем литературного :селонских говорах бь следы палатали- ной перегласовки (в глубоких селон- оложение, что -j- в хранился под дей- нности сохранялся к = skar'a.

, что фонетическое древнее, поскольку жащие соединение) процесса, т. к. они *ante quem*: Kalupe⁴⁴⁵: 347, 398). *Terminus*).

3.3. k > č, ģ > dž, 2-ая аффрикатизация⁴⁷

В глубоких латгальских говорах, за исключением некоторых северных говоров, среднелатышскому k соответствует č и среднелат. ģ аффриката dž соответственно (см. ДА: 81, 82). Однако и здесь былой ареал распространения явно сузился, так, например, в Aknīste³⁶⁸, где регулярными являются звуки k, ģ, на их месте в специальных контекстах встречаются č и dž: čēvē (kēve), čīmiņi (ķimīni), а также гиперкорректные формы, типа kaula (čaula) (Ancītis 1977: 119), Kalupe⁴⁴⁵, где k, ģ: skrāukis (gen. sg. skrāuka) „drēbnieks“ – заимствование из польского, вероятно через литовский. ср. поль. krawiec, лит. kriaūčius (примеры из Reķēna 1962: 460). Такое явление объясняется влиянием литературного языка, вследствие которого здесь происходит ретроградное развитие. Брейдак (1989: 335–336) на основании гиперкорректных k, ģ, а также, основываясь на данных топонимии, считает, что процесс проходил на всем ареале верхнелатышских говоров.

Очевидно, что данный процесс – довольно поздний в рамках истории латышского языка, поскольку затрагивает новые для латышского языка группы k, ģ перед палатальными гласными (древние велярные перед палатальными гласными, как известно, дали сегодняшние рефлексy c, dz). Данные сочетания появляются в основном в заимствованиях из немецкого, литовского, а также куронизмах, ср. Kārsava⁴⁸¹ zūdžs < (zāģis) (Šmite 1932: 52), kačč < kaķis, džēimš < ģīmis (лит. gūmis). Однако в истории верхнелатышского диалекта это довольно древний процесс. *Terminus ante quem* является появление дифтонга -iu- перед велярными из праверхнелат. *ū или i из *u перед губными (процессы на наш взгляд одновременные, ср. §§ 2.2, 2.3.1)⁴⁸, который аффрикатизацию не вызывает, т. е. до 2-ой перегласовки, например: āukiurē (elkonis) (Varaklāni⁴²⁶ Latkovskis 1931: 122), kīul'iejs (Cibla⁴⁸⁸ Ābolīņa 1926: 32), где регулярен переход k > č (ДА: 81.,82).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ

4.1. Хронологическая схема фонетических переходов

Итак, в ходе данного исследования нам удалось «локализовать» во времени большую часть рассмотренных переходов относительно других переходов. Результаты можно подобщить следующей таблицей:

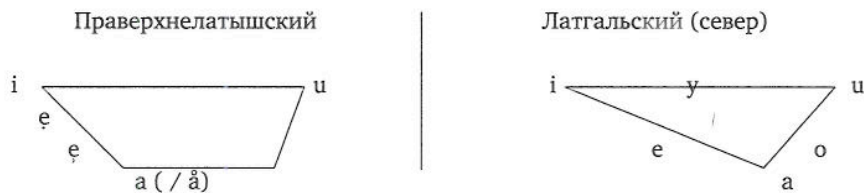
⁴⁷ По терминологии Брейдака (1989: 335). Здесь следует отметить, что 1-ая аффрикатизация происходила еще в пралатышском, т. е. *sk + E > šk, *stj > šk.

⁴⁸ В действительности здесь затронуты 2 фонетических процесса: 1. Дифтонгизация древне-го *ū и затем 2. 2-ая перегласовка, uī > iu перед палатальными гласными.

4.2. Общие выводы

Здесь нам хотелось бы проанализировать выводы, полученные сравнительно-историческим методом. Для правекслатышского диалекта мы восстанавливаем следующую фонематическую систему (в общем идентичную системе некоторых наиболее архаичных среднелатышских говоров нашего времени):

Данная карта зачастую переходит. Очевидно, что «Мартин» *a > o, *e > a,

4.3. Положения сравнительно-

Итак, после правекслатышского диалекта, для непосредственных переходов соответствующим образом может оказаться § 2.2, особенно § достаточной при этом, а стало ли. Однако при этом сего диалекта и решен только поста и ее архаичность и даже на фонол только как дополнение. Отделение праможно, на наш взгляд, в перегласовках, которые к самому другому условиям для данных мы считаем возможным праможно являться гласных.

⁴⁹ В особенности неиндоевропейский – than the short *a and рены, что конкретна лет назад нам неопределения степени

Латгальский
Селонский

Данная картина несколько упрощена, т. к. в севернolatгальских говорах *e* зачастую переходит в *ɛ*.

Очевидно, что система гласных северной части латгальских говоров становится более симметричной. Свободный задний спектр создает зону «разреженности» Мартине (1981: 54-57) и притягивает тесно сжатые передние гласные: **a* > *o*, **ɛ* > *a*, **ɛ* > *e* (<*ɛ*).

4.3. Положение Верхнелатышского Дialecta с точки зрения сравнительно-исторической лингвистики

Итак, после рассмотрения всех основных фонетических переходов верхнелатышского диалекта, выяснилось, что не нашлось ни одного фонетического перехода, для которого нам было бы необходимо предположить развитие непосредственно из Восточнобалтийского праязыка. Все рассмотренные здесь переходы реконструируются с промежуточной стадией, полностью соответствующей пралатышскому состоянию. Потенциальным исключением может оказаться переход (сохранение?) прабалт. **uv* > *ūv*, **ij* > *ij̥* (см. § 2.2, особенно § 2.2.2). Но даже и в этом случае это, скорее всего, не будет достаточной причиной для принятия независимости развития верхнелатышского, а стало лишь сохранившимся в данном диалекте архаизмом.

Однако при этом вопрос о выводимости или невыводимости верхнелатышского диалекта из пралатышского, на наш взгляд, может быть окончательно решен только после исследования морфологической системы данного диалекта и ее архаичности. Выводы, основывающиеся исключительно на фонетике⁴⁹ и даже на фонологии, в решении подобных вопросов могут использоваться только как дополняющие аргументы.

Отделение праверхнелатышского от пралатышского языкового ареала можно, на наш взгляд, соотнести с началом 1-ой и 2-ой верхнелатышских перегласовок, которые в установленной нами относительной хронологии относятся к самому древнему периоду. Ввиду полного соответствия фонетических условий для данных перегласовок с условиями пралатышской перегласовки мы считаем возможным предположить, что территория праверхнелатышского прадиалекта являлась эпицентром распространения процессов гармонизации гласных.

⁴⁹ В особенности нельзя считать серьезными такие аргументы, как, например: „The IE [т.е. индоевропейский – прим. автора] and East Baltic **ā* was a diffuse-closed sound, less centered than the short **a* and with tendencies toward rounding“ (Lelis 1961: 150) (без ссылок!). Мы уверены, что конкретная фонетическая реализация фонемы, использовавшейся многие тысячи лет назад нам недоступна. И тем более она не может быть использована как аргумент для определения степени родства.

в конце
слова

ализация
dž'

↗ *a^ɛ, o^ɛ / ā^ɛ, ō^ɛ*

L₂: ā, o^ɛ, o /
ā, ō^ɛ, ō

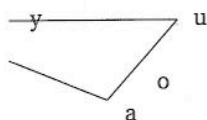
Латгальский

↗ *'a/ia*

↘ *'e/ie*

енные сравнитель-
екта мы восстанав-
ентичную системе
нашего времени):

ий (север)

4.4. Контакты с Купишкенскими говорами литовского языка, позиция Брейдака

В фонетическом развитии селонских (а также и латгальских) говоров очень много схожих процессов с восточно-аукштайтскими говорами Купишкенов (*kupiškėnai*). На основные моменты данного феномена указал Брейдак (1981b), а именно: схожесть в перегласовке краткого *e*, распределение *a* и *ā* в зависимости от ударения и аффрикатизация *k* > *č*. Что касается схожести в перегласовке краткого *e*, то тут мы хотели бы несколько переформулировать данную изоглоссу. Как нами уже указывалось, мы имеем дело в данном случае с пралатышской перегласовкой **e/*ē*, которая дала в селонских и латгальских говорах на некоторой фазе их развития⁵⁰ синхронно чередование *e* (< **e*) – *a* (< **ē*). Кроме того, данная перегласовка наблюдается, и в жемайтских говорах (Zinkevičius 1966: 54–61, 457), где лучше быть осторожным с предположением влияния селонского субстрата, а более вероятным представляется контактное влияние южных ливонских говоров или земгальских среднелатышских говоров, где данная перегласовка также имела место. Таким образом, сам процесс перегласовки – результат более древних контактных влияний. И так, общим для селонских, латгальских говоров, с одной стороны, и купишкенских, с другой стороны, является переход *e* > *a*, а не сам процесс перегласовки. Нам представляется такая формулировка более точной.

В конце слова в купишкенских говорах также прошел процесс, общий и верхнелатышским говорам, а именно: в верхнелатышских: *e/ē* > *'e/'ē* (> *'a/ia*) (§ 2.8.2), в купишкенских *e* > *'a* (Zinkevičius 1966: 74).

Факт, что контактные феномены (по Брейдаку: «селонский субстрат») между селонскими и латгальскими говорами, с одной стороны, и купишкенскими, с другой стороны, относятся не к нашему времени, а к более древнему периоду, подтверждается также приведенной Брейдаком (там же) лабиализацией. В купишкенских говорах *a* перешло в *ā* под ударением, при том, что новое *a* (< **ē*) здесь сохранилось без изменений (Zinkevičius 1966: 50). Очевидно, что процесс лабиализации под ударением древних **a*, а не новых (из **ē*) связан именно с 1-ой лабиализацией (§ 2.6.3.3) в латгальских и селонских говорах, кроме того она дает синхронное распределение в большей части верхнелатышских говоров *o* – под ударением и *a* – в безударном слоге, чем и обеспечивается аналогия с купишкенским переходом.

СОКРАЩЕНИЯ

BW – Kr. Barons un H. Wissendorffs, *Latwju dainas*. I–VI. Jelgava un Petrograda, 1894–1915.

ДА – Диалектологический атлас, номер карты (готовится к публикации)

FBR – Filologu Biedrības Raksti

⁵⁰ Здесь следует учесть, что такое состояние постулируется лишь для определенного этапа развития селонских и латгальских говоров, так как данные *e* и *a* частично развились далее, например, *a* > *ā* (2-ая лабиализация § 1.6.4.3.1), *e* > *ia*, *iē*, *a* (4-ая перегласовка § 1.9.2.4.4, 1.9.2.4.2, ср. также § 1.8.2) и др.

LKŽ – *Lietuvių kalba*
LVI – Неопубликованная
atlanta materiālu v
ME – Mūlenbachs,
2. negrozīts izdevums
СНН – среднениж

ЛИТЕРАТУРА

- ĀBELE, A. 1924: Par
ĀBELE, A. 1934: *ā /*
ĀBELE, A. 1935: *Kā
raksti* 15, 197–8.
ĀBELE, A., LEPIKA, M.
ĀBOLIŅA, A. 1926: P
ĀBOLIŅA, A. 1928: S
ĀBOLIŅA, O. 1927: S
ALKSNIS, M. 1932: K
ANČIŅIS, K. 1977: *At
LPSR ZA A. Upiša V*
APŠIŅIS, J. 1914: *Par
izduots*, 17. Rīga, 88
BALODE, S. 2000: *Kal
institutūs*.
BĒRZAUNIETIS [Автор
BEZZENBERGER, A. 188
BIČOLS, J. 1932: *Birz*
BREIDAKS, A. 1974: *L
127–136*.
БРЕЙДАК, А. 1977: *Су
Диалекте*. In: *Конт
10–18..*
BREIDAKS, A. 1980: Из
БРЕЙДАК, А. 1981a: О
идиомы. *Baltistica* II
БРЕЙДАК, А. 1981b: О
*этногенеза и этниче
Истории*, 89–90.
BREIDAKS, A. 1981c: *Ti
naniensis* 24, 93–100.
BREIDAKS, A. 1988: *Dis
31–44*.
БРЕЙДАК, А. 1989: *Фон
Неопубликована*.
БРЕЙДАК, А. 1994: *Фон
Центрально-Восточн
БРЕЙДАК, А. 1994a: *Фон
Центрально-Восточн
BREIDAKS, A. 1996: *Aug***

зыка, позиция

льских) говоров
оворами Купиш-
указал Брейдак
деление а и ā в
ается схожести в
еформулировать
в данном случае
их и латгальских
ание е (< *ē) – а
майтских говорах
предположением
яется контактное
латышских гово-
изом, сам процесс
ий. Итак, общим
купишкенских, с
регласовки. Нам

роцесс, общий и
ē > 'e/'ē (> 'a/ia)

субстрат») между
упишкенскими, с
древнему перио-
лабиализацией.
и том, что новое
5: 50). Очевидно,
не новых (из *ē)
ких и селонских
в большей части
ном слоге, чем и

, 1894–1915.

ределенного этапа
чо развились далее,
пасовка § 1.9.2.4.4,

LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. 1941–2000. Vilnius.

LVI – Неопубликованный материал по программе: *Atbildes uz jautājumiem latviešu valodas dialektu atlanta materiālu vākšanas programma*. LU Latviešu valodas institūts. Zinātnes Akadēmija.

ME – Mülenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 2. negrozīts izdevums. Piecos sējumos. Čikāgas baltu filoloģu kopa. Čikāga, 1954.

CHN – средненижненемецкий (Mittelniederdeutsch)

ЛИТЕРАТУРА

ĀBELE, A. 1924: Par lejasciemešu izloksni. *Filologu biedrības raksti* 4, 40–52.

ĀBELE, A. 1934: ā // uo ziemeļu-austrumu izloksnēs. *Filologu biedrības raksti* 14, 166–171.

ĀBELE, A. 1935: Kāds piedēkļu zilbju metatonijas gadījums ziem.-austrumu izloksnēs. *Filologu biedrības raksti* 15, 197–8.

ĀBELE, A., LEPIKA, M. 1928: Par Apukalna izloksnēm. *Filologu biedrības raksti* 8, 19–50.

ĀBOLIŅA, A. 1926: Par Ciblas pagasta Evermuižas novada izloksni. *Filologu biedrības raksti* 6, 31–48.

ĀBOLIŅA, A. 1928: Skrīveru pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 8, 98–108.

ĀBOLIŅA, O. 1927: Susējas pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 7, 129–153.

ALKSŅIS, M. 1932: Krāslavas izloksne. *Filologu biedrības raksti* 12, 26–48.

ANCĪTIS, K. 1977: *Aknīstes izloksne. Izloksnes Statika un dinamika. Ievads, Fonētika, Morfoloģija*. Rīga: LPSR ZA A. Upiša Valodas un Literatūras Institūts. Zinātne.

APŠĪTIS, J. 1914: Par Lizumniešu izloksni. In: *Rakstu Krājums, Rīgas Latviešu Biedrības Zinību Komisijas izdots*, 17. Rīga, 88–102.

BALODE, S. 2000: *Kalnempju pagasta Kalnamuižas daļas izloksnes apraksts*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts.

BĒRZAUNIETIS [Автор неизвестен] 1927: Bērzaunes izloksne. *Filologu biedrības raksti* 3, 7–35.

BEZZENBERGER, A. 1885: *Lettsche Dialekt-Studien*. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht.

BIČOLIS, J. 1932: Birziešu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 12, 59–93.

BREIDAKS, A. 1974: Latgaliešu tautas dziesmu fonētikas jautājumi. *Zinātņu Akadēmijas vēstis* 10 (327), 127–136.

БРЕЙДАК, А. 1977: Судьба пралатышских звукосочетаний *pj, *bj, *vj, *mj в Верхнелатышском Дialeкте. In: *Контакты Латышского Языка*. Рига: АН ЛССР, Институт Языка и Литературы, 10–18.

BREIDAKS, A. 1980: Из истории балтийского вокализма. *Lingua Posnaniensis* 23, 65–79.

БРЕЙДАК, А. 1981а: О влиянии прибалтийско-финских языков на латгальский и селонский идиомы. *Baltistica* II *Priedas*, 26–35.

БРЕЙДАК, А. 1981b: О селонском языковом субстрате в северо-восточной Литве. In: *Проблемы этногенеза и этнической истории Балтов*. Вильнюс: Академия Наук Литовской ССР. Институт Истории, 89–90.

BREIDAKS, A. 1981c: The Problem of Secondary Metaphony in High-Latvian Vernaculars. *Lingua Posnaniensis* 24, 93–100.

BREIDAKS, A. 1988: Disputable Problems in the History of Baltic Vocalism. *Lingua Posnaniensis* 31, 31–44.

БРЕЙДАК, А. 1989: *Фонетика латгальских говоров латышского языка*, Disertācija. Неопубликована.

БРЕЙДАК, А. 1994: Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: Центрально-Восточный вариант. *Baltistica* 29 (2), 155–165.

БРЕЙДАК, А. 1994а: Фонематическая подсистема согласных глубоких говоров Латгалии: Центрально-Восточный вариант. *Baltistica* 29 (1), 65–75.

BREIDAKS, A. 1996: *Augšzemnieku dialekta latgalisko izloksņu Fonētikas Atlants*. Daugavpils.

- BRENCIS, E. 1914: Nuovēruojumi nuo alūksniešu izluoksnes. *Rakstu Krājums, Rīgas Latviešu Biedrības Zinību Komisijas izdots*, 17. Rīga, 103–145.
- BŪGA, K. 1959: *Rinkiniai raštai* 2. Sudarė Z. Zinkevičius. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla.
- ELKSNĪTIS, A. 1929: Lazdonas, Praulienas, Sarkaņa, Patkules, Cesvaines un Dzelzavas izloksnes. *Filologu biedrības raksti* 9, 119–161.
- ENDZELIN, J. 1910: Zum lettischen Präteritum. *Kuhns Zeitschrift* 43, 1–41.
- ENDZELĪNS, J. 1927: Sikumi. *Filologu biedrības raksti* 17, 5.
- ENDZELĪNS, J. 1951: *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: Latvijas Valsts izdevniecība.
- GALLÉE, J. H. 1993: *Altsächsische Grammatik*. Register von Johannes Lochner. 3. Aufl. mit Berichtigungen und Literaturnachträgen von Heinrich Tiefenbach. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. (Sammlung kurzer Grammatiken Germanischer Dialekte, begründet von Wilhelm Braune, hrsg. von H. Gneuss, S. Grosse und K. Matzel. A. Hauptreihe, 6.)
- ГИРДЯНИС, А. 1977: [рец.] *Балто-славянский сборник*, Москва 1972. *Baltistica* 13 (1), 300–303.
- GRINAVECKIS, V. 1973: *Žemaičių tarmių istorija: Fonetika*. Vilnius: Mintis.
- HAUZENBERGA, E. 1934: Liezēriešu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 14, 172–197.
- ĪVENU, A. 1928: Pļaviņu (stukmaniešu) izloksnes apraksts. *Filologu biedrības raksti* 8, 78–97.
- KANCĀNS, V. 1937: Kaldabruniešu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 17, 43–75.
- KAULIŅ, J. 1887: Ueber die (lettische) mundart von Saussen und Fehkeln (Livland). *Bezzenbergers Beiträge* 12, 214–239.
- KAULIŅ, J. 1890: Der (lettische) dialekt von Selsau (Livland). *Bezzenbergers Beiträge* 16, 322–338.
- KAULIŅŠ, J. 1933: Sistēmatisks pārskats par sausnējiešu izloksnes pārskanām. *Filologu biedrības raksti* 13, 11–19.
- КАЗЛАУСКАС, И. 1962: К развитию общебалтийской системы гласных. *Вопросы языкознания* 4, 20–24.
- KAZLAUSKAS, J. 1969: Dėl baltų *ei ir *ō raidos lietuvių žemaičių tarmėse. *Baltistica* 5 (1), 29–35.
- KIVRĀNE, A. 1930: Zvirgzdines pagasta izloksnes. *Filologu biedrības raksti* 10, 23–38.
- KUŠKIS, J. 1958: Diftongizācija un monoftongizācija Grostonas un Meirānu izloksnē. *Zinātniskie Raksti / Ученые Записки* 25, 135–157.
- KUŠKIS, J. 1967: Dažas sēļu valodas vokālisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izloksņu materiāliem. *Zinātniskie Raksti / Ученые Записки* 60, 9. A laidiens, 9–20.
- LATKOVSKIS, L. 1931: Varakļāņu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 11, 100–123.
- LATKOVSKIS, L. 1935: Skaistas izloksne. *Filologu biedrības raksti* 15, 33–54.
- LELIS, J. 1961: *The place of Latgalian among the Baltic Dialects*. PhD Thesis, Harvard University. Cambridge, Massachusetts. Неопубликованная диссертация.
- LÖFFLER, H. 1980: *Probleme der Dialektologie. Eine Einführung*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchhandlung.
- MARTINET, A. 1981: *Sprachökonomie und Lautwandel. Eine Abhandlung über die diachronische Phonologie. Übersetzt aus dem Französischen von Claudia Fuchs*. 1. Auflage, Stuttgart: Klett-Cotta. (Originalausgabe: *Économie des changements phonétiques*, Bern 1955.)
- МАЖУЛИС, В. 1963: Заметки по прусскому вокализму. In: П. А. Дмитриев, Ю. С. Маслов, М. И. Привалова, Г. В. Степанов, А. Ф. Федоров, ред., *Вопросы теории и истории языка*. Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 119–127.
- MEŅGELE, V. 1939: Neretiešu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 19, 96–116.
- NAVENICKIS, M. 1933: Zasas pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 13, 81–98.
- REKĒNA, A. 1962: *Kalupes izloksne (Fonētika. Morfoloģija. Leksik.)*. Kandidāta disertācija Liepāja. Не опубликована.
- RUDZĪTE, M. 1964: *Latviešu dialektoloģija*. Rīga: Zinātne.
- RŪKE, V. 1939: Latgale.
- SAMUŠE, A. 1938: Kalu.
- SERŽANTS, I. 2003: Intorchronie. *Baltu filologija*
- SKARDŽIUS, Pr. 1938: Dė.
- SMOCZYŃSKI, W. 2000: *H sytetu Jagiellońskiego*.
- STANG, Chr. S. 1966: V.
- ŠMITE, T. 1932: Kārsava.
- TICHOVSKIS, H. 1933: Pil.
- TURKOPULIS, J. 1924. Pre.
- TURKOPULIS, J. 1928: Lat 8, 10–19.
- VĪTOLE, M. 1931: Baltin.
- ZARIŅŠ, J. 1931: Ērgļu u.
- ZAUBE, J. 1939: Alsviķa 117–132.
- ZINKEVIČIUS, Z. 1966: *Lie*
- ЗИНКЯВИЧУС, З. 1972: (
- Москва: Институт Сл.
- Žirņītis, E. 1937: Lubār

Iļja A. Seržant
Lietuvių kalbos insti
P. Vileišio g. 5, 103C
serzant@web.de

žas Latviešu Biedrības
 litinēs ir mokslinēs
 avas izloksnes. *Filologu*
 1.
 Aufl. mit Berichtigung-
 er Verlag. (Sammlung
 irsg. von H. Gneuss,
 13 (1), 300–303.
 ti 8, 78–97.
 d). *Bezenbergers*
 ige 16, 322–338.
 ologu biedrības raksti
 ы языкознания 4,
 ca 5 (1), 29–35.
 8.
 нē. *Zinātniskie Raks-*
 alodas sēlisko
).
 d University. Cam-
 :haftliche Buchhand-
 hronische Phonologie.
 ta. (Originalausgabe:
 2. Маслов, М. И.
 ька. Ленинград,
 асija Liepaja. Ne

- RŪKE, V. 1939: Latgales izlokšņu grupējums. *Filologu biedrības raksti* 19, 133–188.
 SAMUŠE, A. 1938: Kalupes pagasta izloksnes apraksts. *Filologu biedrības raksti* 18, 32–51.
 SERŽANTS, I. 2003: Intonationen in den suffixalen und Endsilben im Lettischen. Synchronie und Diachronie. *Baltu filoloģija* 12 (1), 83–123
 SKARDŽIUS, Pr. 1938: Dėl balsių asimiliacijos. *Archivum Philologicum* 7.
 SMO CZYŃSKI, W. 2000: *Hiat laryngalny w językach bałto-słowiańskich*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego.
 STANG, Chr. S. 1966: *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo etc.: Universitetsforlaget.
 ŠMITE, T. 1932: Kārsavas pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 12, 49–58.
 TICHOVSKIS, H. 1933: Pildas pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 13, 37–62.
 TURKOPULIS, J. 1924: Preiļu pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 4, 97–100.
 TURKOPULIS, J. 1928: Latv. val. Preiļu pagasta izloksnes apraksta turpinājums. *Filologu biedrības raksti* 8, 10–19.
 VITOLE, M. 1931: Baltinavas izloksne. *Filologu biedrības raksti* 11, 124–140.
 ZARIŅŠ, J. 1931: Ērgļu un Ogres pagasta izloksne. *Filologu biedrības raksti* 11, 8–21.
 ZAUBE, J. 1939: Alsviķa, Beļavas, Litenes un Stāmerienas izloksnes. *Filologu biedrības raksti* 19, 117–132.
 ZINKEVIČIUS, Z. 1966: *Lietuvių kalbos dialektologija*, Vilnius: Mintis.
 Зинкявичус, З. 1972: О развитии балтийского вокализма. In: *Балто-Славянский сборник*. Москва: Институт Славяноведения и Балканистики, 5–13.
 Zirņītis, E. 1937: Lubāniešu izloksne. *Filologu biedrības raksti* 17, 114–142.

Iļja A. Seržant
 Lietuvių kalbos institutas
 P. Vileišio g. 5, 10308 Vilnius, Lietuva
 serzant@web.de